

A man with grey hair, wearing a light blue polo shirt and dark sunglasses, is shown from the chest up. He is holding a black assault rifle with a wooden stock. A light blue jacket is draped over his left shoulder. The background is a pixelated camouflage pattern.

АЛЕКСАНДР
ПОЛЮХОВ

**ОПЕРАЦИЯ
«ДЖОКЕР»**

**ЛИЧНЫЙ ШПИОН ПРЕЗИДЕНТА
ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА**

Внешняя разведка (Книжный мир)

Александр Полюхов

**Операция «Джокер».
Личный шпион Президента**

«Книжный мир»

2017

Полюхов А. А.

Операция «Джокер». Личный шпион Президента /
А. А. Полюхов — «Книжный мир», 2017 — (Внешняя разведка
(Книжный мир))

ISBN 978-5-9500726-7-3

Вселенная книг замечательного писателя и экс-разведчика Александра Полюхова пополнилась новым шпионским экшеном с элементами фантастики. В ней мы находим (хотя обе книги и являются абсолютно самостоятельными произведениями) объяснение многим загадочным событиям, которые случились в предыдущей книге автора «Ленин и Керенский 2017. Всадники Апокалипсиса». Операция «Джокер», которую задумал личный шпион Президента, разворачивается на пространстве от Латинской Америки до родины Ильича, где российские ученые совершили открытие, изменяющее не только политические реалии, но и прошлое человечества. В битве добра и зла как всегда схлестнулись две супер-разведки расположенных по разные стороны Атлантики государств. И любимому герою книг Александра Полюхова – Матвею Алехину – «воскресшему» на горе нашим заокеанским «партнерам» после фиктивной смерти, на этот раз предстоит вернуть России Крым, который не стал нашим в том пространственно-временном континууме, в котором он живет, любит, сражается и побеждает.

ISBN 978-5-9500726-7-3

© Полюхов А. А., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Александрович Полюхов

Операция «Джокер»

Личный шпион Президента

Глава 1

Встреча

Сан-Хосе маловат, но удобен для короткой разведоперации. Застройка пестрая: архитектура от традиционно испанской до космополитично современной. Население – тысяч триста, зато в сухой период – наплыв туристов. К вечеру пятницы улицы заполнены опереточной толпой из местных граждан, обильно смешанных с иностранными гостями Коста-Рики. Рослый поджарый человек, пятьдесят с хвостиком, ничем не выделялся, разве что бледной кожей и седой шевелюрой, собранной на макушке в пучок. Впрочем, первую скрывал мятый льняной костюм от *H&M*, а вторую – панاما из соломки. Когда рядом хохотнула белозубая и крутобедрая проститутка, мужчина одобрительно воскликнул: «*Nena jukosa!*»¹. Моментальный анализ: лет восемнадцать, папа – негр, мама индейских корней, похоже, из племени *гуатосос*. Вывод: угрозы не представляет. Шлюшка аппетитная, только сейчас не до секса. Черные икринки зрачков расширились, сальный взгляд вновь облизал почти неприкрытые сиськи и задницу, на которой юбчонка вот-вот лопнет. Поворот головы позволил заметить подростка-карманника и вновь убедиться в отсутствии «наружки». По более тихим переулкам «турист» вальяжно добрел до Парк-де-ла-Экспрессьон, где приезжим зевакам втюхивали шедевры местных художников. Гончарное искусство заинтересовало, особенно мускулистая фигурка ягуара – хороший сувенир, жаль руки занимать нельзя. Чуть дальше приценился к полотну, изображавшему превращение мулатки в кобылицу (или в ослицу?). Закатил вверх белки от озвученного ценника. Вежливо на сносном испанском отказался: «Спасибо, для меня дорого».

Неделю назад Алехин по российскому паспорту на чужую фамилию въехал в страну под предлогом свадебного путешествия и уже успел осмотреться в столице. По плану поездки полагалось теперь находиться далеко – на атлантическом пляже Плайя-Бонита. Однако, как жена Анна уверяла в ресепшен прибрежного отеля, супруг «подхватил желудочное расстройство и денек отлежится в бунгало». Теперь на конспиративную встречу в столице двигался «пенсционер из Скандинавии». Знание шведского языка и фальшивые документы, позволяли выдерживать поверхностную проверку. Но стоило попасть в серьезную переделку, как отпечатки пальцев и анализ ДНК выявили бы в нем русского разведчика, с давних времен пользовавшегося псевдонимом «товарищ Григ».

Прикрытие слабенькое, признавал оперработник, привыкший к риску. До сих пор опыт и ловкость помогали выходить сухим из воды. Не без потерь, разумеется. Даже внешность и фамилию пришлось сменить, инсценировав собственную гибель. Что ж, за десятилетия службы накопилось немало врагов. Хотя один из них теперь вызвал на встречу именно мертвого, отказавшись иметь дело с его живыми коллегами. Инициативник из ЦРУ уже обозначил готовность сотрудничать со Службой внешней разведки, теперь надлежало выжать его как лимон. Удаляясь от парка, Свен Свенссон снял головной убор и пиджак, перестал горбиться: в сумерках изменившийся силуэт труднее опознать. Лишь очки оставил – по легенде работал прежде

---

¹ Сочная деваха (исп.).

аудитором. Через поляризационные стекла его по-прежнему зоркие глаза издали засекли светящуюся табличку *Fianchetto Chess Club*².

«Клиент с выдумкой – забавное место выбрал! – вновь озаботился оперработник. – И отчего американец пожелал встретиться именно со мной? Из-за однофамильца, гроссмейстера Алехина?» Войти в клуб предстояло ради надежды получить имена шпионов ЦРУ в России. Улов ожидался ценный, а плата высокая – то ли в долларах для продавца, то ли в десятилетиях тюрьмы для покупателя. «Хотя могут и просто грохнуть, – допускал Матвей, – с моим-то прошлым». Когда-то полковник надеялся, что выйдя в отставку, сможет наслаждаться мирной жизнью. Поначалу так и случилось: успехи в бизнесе, потом спокойное житье-бытье в загородном доме на Рублевке. И вдруг судьба резко развернулась, вынудив опять вынюхивать, лгать, убивать, словом, спасать Родину от врагов. Операции «Квитанция», «Ши» и «Рагда» отняли последние три года, подвергли опасности семью. И вот, нынешняя заграникомандировка. Нет, он бы не согласился, хоть Кремль и приказал. Только не смог отказать единственному другу, которому поручили организовать сделку с цэрэушником. «Предатель хочет денег, – заверил Чудов, – и возьмет их, если ты его убедишь в безопасности и в выгодности предательства». В прошлом ученик товарища Грига, затем заместитель директора внешней разведки, а ныне президентский протеже готов был лично приехать в Коста-Рику, но понимал, что не его ждут в Сан-Хосе.

«Швед» прошел мимо скромной виллы, окруженной подзаросшим садом. Фонарь у входа, видеокамер не видно, сигнализация отсутствует. Несколько машин припаркованы чуть дальше в крутом тупичке, заканчивающемся глубокой расщелиной. Ограждения нет – в экстренном случае склон можно использовать для отхода. Заглянул через край – метров тридцать, без веревки в темноте проблематично. Вернулся к особняку, уже на ступенях столкнулся с секретарем шахматного клуба и вынужденно представился на английском, с заметным скандинавским акцентом.

– Мистер Свенссон, называйте меня просто Мануэль, – лучезарно улыбнулся потомок конкистадоров, – так все делают.

– Как интересно, в Швеции есть всемирно известный гроссмейстер с похожим именем – Эмануэль Берг, молодой, страшно талантливый.

– Вам с ним доводилось сталкиваться на турнирах? – вспыхнул надеждой костариканец. – Поделитесь впечатлениями с членами клуба?

– Увы, мы просто земляки, даже не знакомы.

– У нас тут демократично, без снобизма и социальных лейблов. Знаете, шахматисты – особая каста, только классификация имеет значение. Вы на каком уровне играете?

– На любительском. Знаю дебют, миттельшпиль, эндшпиль и умею ставить шах и мат, – отбойрился «швед», направляемый хозяином через холл на обширную веранду с десятком столов.

– А мат ставите ферзем, ладьей, двумя ладьями или даже двумя слонами? – упорствовал хищник клетчатой доски, почуввавший непуганую добычу.

– Как получится, – уклонился от атаки новичок. – Я собственно устал от осмотра достопримечательностей и зашел выпить в культурной обстановке. Здесь бар имеется? Знаете, скандинавов за рубежом частенько тянет на спиртное, а то на родине оно очень дорогое.

– Бара нет, официантка разносит напитки. Присаживайтесь за любой пустой столик, пока еще мало играющих.

– Осмотрюсь с вашего разрешения. Позже, глядишь, найдется соперник, не слишком превосходящий по силам.

---

² Шахматный клуб Фианчетто (англ.).

Планировка здания соответствовала чертежам, изученным в ходе тщательной подготовки в Москве. Ничего и никого настораживающего. Выбрал столик в углу веранды, сел спиной к стене, чтобы просматривался выход из холла и побольше пространства. На месте появился заранее и теперь выводил органы чувств на оперативный максимум. Уши слышали затихающий гомон птиц, устраивающихся на ночевку в зарослях *Satyria meiantha*. Нос улавливал тонкие оттенки запаха тлена в напоенной утренним дождем земле. Острее становилось зрение: неутомимую птаху удалось идентифицировать как *Momotus momota*. Правда, цвет никак не давался в сгуставшейся темноте. Закрыв глаза, выждал с полминуты, абстрагируясь от света ламп. Уловил хруст хитина и повторно, из-под полей шляпы, взглянул в сад. «Ага, голубой момот поймал кукарачу», – порадовался уточнению посетитель, в юности – активный член биологического кружка МГУ.

Переключился на вкусовые рецепторы. «Свежая мята, тростниковый сахар, лайм, светлый ром, тоник, – анализировал ингредиенты, потягивая *мохито*. – Где черт носит моего визави? Неужели придется с кем-то из шахматистов сыграть?» Гость уже отверг пару предложений, еще отказ и секретарь клуба начнет косо посматривать. Часы – разведчик всегда хронометрировал важные встречи – показывали 20:02:55, когда появился инициативник. Типичный *гринго*, не спеша, обходил веранду, приветствуя знакомых. «Внешне очень похож: совпадают возраст, рост, вес, телосложение, – мозг разведчика включил боевой режим. – Череп – *брахицефалический*, легкая асимметрия лица – *литеральное* движение углов рта. Мочки приросшие, левое веко припущено и цвет глаз правильный. Речь – манера и тембр соответствуют записям, прослушанным в Центре». Хотя Григ раньше не встречался с объектом, сомневаться не приходилось – мистер Макалистер, экс-начальник русского отдела ЦРУ. Из нового: широкая белая рубашка на выпуск, профессорская борода. «Хм, меня еще не опознал, хотя раз вызвал, несомненно, знает по фотографиям. Пластическая хирургия великая вещь! Дам ему намек – встану, чтобы смог прицениться к фигуре. Так, просек фишку! Дрейфует к моему столику».

– Мануэль намекнул, ищешь соперника? – пробасил пришедший, раскуривая сигару.

– Зависит от его игровых навыков, – последовал обтекаемый ответ.

– Позволь представиться: Джек из США, прежде играл за сборную Лэнгли, – едва слышимые слова садящийся адресовал исключительно собеседнику.

– Свен из Швеции, раньше играл за Лубянку.

– О! Знавал я одну шведку, – громогласно заржал американец, работая на публику. – Ох, горячая девушка, затейница.

– Неужели! Расскажи подробнее, – русский начал традиционный дебют.

– Тогда *мохито* не катит. Переходим на скотч, – Макалистер махнул рукой скользившей по веранде официантке и вновь убавил звук. – Удачно тебе физиономию перекроили. Только худющий ты после онкологии. Я липосакцию собираюсь сделать, может, моего жирку тебе пересадить? Гы-гы-гы!

– С твоим диабетом сбросить вес не помешает. Уровень глюкозы в крови не забываешь контролировать?

Алехина накрыло волной *дежавю*: разведчик будто знал каждое слово, что сегодня прозвучит в субэкваториальной ночи, каждое движение, что будет сделано. Отчетливо видел положительный итог встречи. Предчувствие успеха, появившееся еще до поездки, превратилось в уверенность. Это пугало. Товарища Грига пугливым мог счесть лишь незнакомый человек. Те, кто с ним сталкивался, а не все из них остались живы, придерживались совсем иного мнения. «Что-то не так», – сигнал тревоги пришел из подсознания. К нему ветеран привык прислушиваться – оно никогда не подводило. Больше никому полностью не доверял – даже другу, посланному в Коста-Рику. И совсем не должен верить толстому цэрэушнику с редееющими волосами, прилипшими к потной голове. Только отчего-то понял, что собеседник продаст секреты, получит вознаграждение и вернется к любимой кошке, чья рыжая шерсть прилипла к

черным брюкам. И породу Алехин угадал: огромный крысолов, что обычно держат фермеры на Среднем Западе. Откуда ненужное знание?

– Завел *Maine Coon*? – лениво поинтересовался.

– Точно. Чувствую, ты меня прокачал по полной программе! – почти шепотом ответил американец.

– К делу, Джек, – полковник начал расставлять фигуры на доске. – Давай поболтаем и сгоняем партию для отвода глаз, а то вдруг завалится кто-то из осевших тут отставников ЦРУ.

– Их здесь полно, только они гольф предпочитают.

– И, тем не менее, E2-E4.

– Ок. Приз, если выиграешь, коллега, – соперник выудил из кармана крохотный паровозик с латиноамериканской раскраской и поставил возле шахматных часов. – Твоя ставка?

– Пластмассовый *Swatch*, – оперработник снял с руки дешевый, но точный хронометр.

– Ты же раньше носил золотой *Ulysses Nardin*?

– И теперь ношу, когда новый русский, а когда старый швед – не положено. Только не надо *bullshit*³, у нас мало времени. Что продаешь: имена, файлы? Что просишь: деньги, содействие?

– Предлагаю разовую сделку: сдаю часть агентуры в России, включая ценных агентов ЦРУ, в обмен на полтора миллиона долларов.

– Почему не агентурную сеть целиком?

– Не могу назвать тех, в чьей вербовке лично участвовал.

– Совестно или боишься, что тебя вычислят?

– И то, и другое. Плюс выбираю тех, чье разоблачение или перевербовка нанесет удар по некому высокопоставленному деятелю в Агентстве. Москве его личность должна понравиться.

– Хорошее прикрытие: укажешь мне козла отпущения. Обещаю перевести на него стрелки, чтобы тебя вывести из-под удара.

– Есть еще молодой аналитик, контактировавший с вашим сотрудником в Вашингтоне.

– Тот, которого убили?

– Да. Вполне подойдет на роль сливного бачка.

– Понял, нужны подробности. Почему именно полтора миллиона?

– Больше мне не потратить и не залегендировать. Сам знаешь, если засвечу лишние суммы, меня сразу заподозрят. В здешней резидентуре ЦРУ имеется группа контрразведывательного обеспечения. Я и здесь до сих пор под наблюдением периодически.

– Не в данный момент, полагаю?

– Само собой.

– Каким образом хочешь получить вознаграждение?

– Номер счета в файле внутри угольного тендера, – Макалистер кивнул на паровозик. – Прочтешь в Москве. Только сперва объясни, почему мне вообще стоит пойти на сотрудничество с СВР, а не сдать *comrade Grieg* волкодавам из ЦРУ?

– Поскольку мы можем намекнуть Лэнгли, что именно ты выдал некоторых агентов, уже арестованных ФСБ. Ну, не будем о грустном. Лучше поведай, от чего выбрал меня в качестве связника?

– Имел удовольствие по видео наблюдать из соседней комнаты, когда тебя допрашивали саудовские спецслужбисты и тот кавказский мегаломаньяк. Тогда в Катаре, по нашему заданию. Мне понравилось, как ты их провел, сорвав акцию «Рагда», планировавшуюся по приказу нашего безумного президента. Думаю, полковник, ты в авторитете у Кремля.

– Ясно, ты тогда помог торпедировать американскую операцию ради моих голубых глаз. Удачная шутка!

---

³ Трепа (амер. англ.).

– Алехин, глаза у тебя серые как сталь, хоть и очки напялил для маскировки. Помочь я решил, поскольку хозяина Белого дома переклинило и он был готов взорвать хрупкое равновесие в мире. Эта история с государственным переворотом в Киеве – просто безумие. Правда, ваш президент прогнулся и не помог тем, кто был против киевских путчистов. Зря – мог бы вернуть Крым в состав России или еще что-нибудь откусить. А теперь почти нацистский режим пытается и убивает украинцев тысячами. Скоро за русских в России примется.

– То есть, мой собутыльник – антифашист со скромными денежными запросами, действующий из благих побуждений. Красивое объяснение – Голливуд отдыхает.

– Забываешь про того типа из конторы.

– Ах, да, еще месть личному врагу. Вот она – главная составляющая коктейля. Будь спокоен, мы уроем персонажа: раз тот для тебя угроза.

– Верно, опасаясь, хотя принял меры предосторожности. И он боится: у меня на него заготовлено «письмо мертвого человека» с массой пахучего компромата. Ну, там умру или он меня грохнет, тогда верхушка «фирмы» зачитается изложением его «подвигов».

– Данная информация есть на флешке?

– Частично.

– Как готовил материал?

– На ноутбуке, не подключенном к интернету.

– Что стало с компом?

– Облил жидкостью для прочистки засоров в канализации – такая химия разъедает жесткий диск и чипы. Восстановить что-либо из памяти ноута невозможно.

– Грамотно! Кстати, тебе мат, приятель через три хода. И бутылка почти пуста. *Pour one for the road*⁴. Мне пора.

Короткий проверочный маршрут по окраинам, посадка в такси и бросок через ночь к Атлантике, брехня шоферу: «От жены сбежал к любовнице в Плайя-Бонито». Паровозик грел душу, хотя вряд ли та обреталась под шляпой – в случае опасности чуть тряхнул головой и вещдок вывалился в сторонку. Спокойствие не наступало: операция прошла слишком ожидаемо. В бунгало бесшумно разделся и шмыгнул в кровать. Анна проснулась сразу же, теплая и счастливая прошептала в ухо: «Слава Богу!». Успокоенная молчанием вновь уснула – «желудок» у мужа в порядке. Утром тела супругов ненадолго сольются, чтобы физической близостью подкрепить многолетние узы. Потом женщина отправит краткое сообщение на туристский микроблог в соцсети: «Я в шоке! Океан – это волшебство! Тут пляж отеля в полтора раза больше всей паршивой Балтики!».

Умеющий читать да поймет. Чудов облегченно вздохнет: Григ провел успешную встречу с «Хоттабычем», запросившим всего-навсего полтора миллиона грина. Президенту докладывать рано, хотя тот и сам может поинтересоваться, есть ли хорошие новости. В последний год поступали плохие или очень плохие: Служба безопасности Украины арестовала десятки тысяч оппозиционеров, а радикалы убили тысячи. Крым вообще превращен в концлагерь, Черноморский флот изгнан из Севастополя. По-русски на «Незалежной» теперь говорят только в семьях, публично даже *суржик* считается признаком госизмены. Хозяин Кремля осознаёт свою ошибку – под давлением Запада не решился вмешаться, чтобы защитить русскоязычное население. Потому и в глаза людям ему смотреть стыдно.

Когда сдаешься без боя, происходит сдвиг в сознании. Потом трудно вновь стать самим собой.

Макалистер домусолил давно потухшую сигару и подозвал официантку.

– Швед уже расплатился за ваш столик, – сообщила девушка.

---

⁴ Налей на посошок (амер. англ.).

– Есть же порядочные люди на свете, – американец остался доволен, что национальность гостя запала персоналу в память. – Тогда пойду баиньки, дорогуша.

Сел в машину, завел. Ехал медленно и осторожно – поддал, опять же сорванный куш – пусть пока виртуальный – требовалось доставить домой в целости и сохранности. Несколько миль дороги привели метров на двести выше в горы, к воротам недавно купленной виллы. Не дворец, но впечатляющий вид на столицу в долине. Ничего, что бассейн маловат – теперь есть деньжата, можно расширить. А главное – застеклить и кондиционировать часть патио, где мечтал разместить перевезенную из Штатов обширную железную дорогу. Игрушечную, само собой, с сотнями вагончиков и локомотивов, в одном из которых до сего дня прятал личный архив. В нем много примечательного, русский сумеет оценить в полном объеме. Последняя мысль огорчила: дожил – кроме *comrade Grieg* и поговорить откровенно не с кем.

Так, насупившись, и отправился в спальню. Сара сопела в очках для сна. Её очередная покупка в интернете – «*мягкие из гипоаллергенной ткани, совершенно не пропускающие свет*», похоже, не пропускали и звук. Заняв место Джека, рядом развалился её любимец *Rugball*⁵ – здоровенный котяра, которого Макалистер обожал и чуть побаивался. Шумно вздохнув, отправился ночевать в другую комнату. Сон навалился сразу, приснилась следующая встреча с русским.

---

⁵ Тряпичный мяч (амер. англ.).

Глава 2

Шарашка

– Валер, опять сервер барахлит.
– Софт? Перезагружать пробовал?
– Дважды: как мертвому примочки. Какая-то бодяга с «железом».
– Херово, машина старая, без гарантии. Попросить у шефа денег на ремонт?
– Бесплезняк: в кассе нули, до запятой и после нее.
– Артель «Напрасный труд»! Блин, «передний край отечественной науки». Всё на коленке делаем.

Через приоткрытую дверь привычные жалобы слышны отчетливо, только ничего утешительного Жулин не мог предложить подчиненным. Громкий титул «Руководитель проекта» не позволял ни оборудование приличное добыть, ни зарплаты нормальные выбить. Прошлогодний бюджет, утвержденный дирекцией НИИ атомных реакторов, исчерпан, на текущий год пока средств не выделено, а уже март начинается. Вдруг вообще прикроют?

Начальство косо смотрело на «шарашку», несекретную, но проедающую государственные деньги. Теоретически и сейчас можно надеяться на скромное финансирование, только в областной комиссии по распределению федеральных грантов не осталось связей – некому поддерживать просьбы Жулина. Да, и на комиссии пришлось бы наврать с три короба, ведь правду рассказывать нельзя: минимум – закроют проект, максимум – отправят в психушку. Сотрудники пока помалкивали, зачарованные открывшейся перспективой переворота в науке. Когда совсем проголодаются, дело – швах. У пустой кормушки кони начинают грызться: поднимется шум и скандальный конец неизбежен. Жаль, чуть бы больше времени... «Ха-ха: в случае успеха как раз времени был бы вагон и маленькая тележка». Вчера Валерий наконец нащупал элегантное математическое решение. Только без оборудования эксперимент не поставить, да и электричества никто столько не выделит. Неужели, придется валить из России на западные хлеба?

Грустные мысли не оставляли по дороге домой. Ругал себя, что не выбрал новый мост – широкий и длинный, испугавшись, что бензина в машине не хватит. Теперь торчал в пробке на дореволюционном, узком и коротком, ожидая, пока растащат столкнувшиеся грузовики, опять же опасаясь, что кончится горючее. Полдюжины реакторов и экспериментальная площадка института находились на восточном берегу Волги, а жил Арсений в Ульяновске – на западном. Домик в частном секторе стоял недалеко от мемориального музея В. И. Ленина и мало отличался от деревянного собрата, где рос будущий вождь, «когда еще был маленький, с курчавой головой». Войдя в сени, ощутил привычный запах щей, напряг обоняние: аромат мяса в вареве отсутствовал. «Жена пилить будет! – закрила тревога. – Машину что ли продать? Один черт, бензин купить не на что». Тряхнув головой, нырнул в семейный водоворот. «Изобрел вечный двигатель, доктор наук?» – издевка в голосе супруги читалась на раз. Промолчал: субботник в лаборатории облегчения не принес, а расплачиваться за него сейчас придется.

– Папа, пришел папочка! – кубарем выкатился из комнаты пятилетний мальчуган, – Я скучал-скучал. Что так долго?

– Работу работал, сынуля, – Жулин подхватил ребенка, на сердце отлегло.

Степа босиком месил песок по кромке прибоя, стараясь не обгонять Ксюшу, шедшую выше, по сухому пляжу. Тихоокеанские валы, разогнавшиеся за тысячи миль, отдавали безумную кинетическую энергию на отмелях, создавая воздушно-водяную взвесь у берега. Скрытые за ней любители катания на досках изредка выскакивали из тумана, словно приведения. Теперь, когда жена вновь ждала ребенка, ей уже не оседлать волну, как прежде. Прошлая беременность завершилась гибелью новорожденного и потрясла семью. Несостоявшаяся мама чуть

не съехала с катушек, а приезжавшая Анна вынужденно покинула невестку, когда умер отец. Жаль батю, подорвавшего здоровье в шпионских играх, но тот сам выбрал такую судьбу. И всё же род Алехиных не прервется, на сей раз врачи обещали двойню.

Настроение прекрасное – чудесная суббота, если не кручиниться, что бизнес идет неважно. После украинской трагедии америкосы косо смотрят на русских, хотя в Калифорнии, особенно в кругах разработчиков ПО, люди и ведут себя корректно. Глядишь, мать снова нагрянет – Ксении будет дома с кем общаться. Сейчас Анна где-то в Латинской Америке, с новым суженым-ряженым. Степан еще не видел его, но сама мысль, что провинциальный аудитор может заменить Матвея Александровича Алехина, казалась абсурдной. У сына были сложные отношения с отцом. Но когда того одолел рак и рука чекиста нажала на курок у виска, прежние разногласия рассосались в воздухе, как дымок из ствола.

Отбросив мрачные думы, столь неуместные под калифорнийским солнцем, посмотрел на жену и запустил пробный шар:

– Любимая, не прошвырнуться ли нам в Лос-Анджелес? Зайдем в ресторан, освежим твой гардеробчик.

– Намекаешь, что я уже стала толстой?!

– Боже упаси, просто планирую на перспективу...

– Дипломатичная формулировка, меня устраивает. Где пообедаем? В Беверли-Хиллз?

– На Родео-Драйв подойдет?

– Там же шоппинг страшно дорогой!

– Один раз живем.

– Тогда вечером займемся любовью.

– Это – обещание?

– Нет, угроза. Знаешь, когда у женщин небольшой срок, они становятся ненасытными.

– Напугала! Посмотри, у меня губы от страха не трясутся?

Навстречу попался спортивный чернявый парень, радостно бросившийся на звуки «великого и могучего».

– Ой, соотечественники, помогите, а то я по-английски пока не в пень ногой. Это ведь Хермоза Бич? Тут самые правильные волны?

– Ты попал по адресу. Не здешний, что ли? – не особо любезно поинтересовался Алехин.

– Не, из Флориды подтянулся, а вообще недавно из Рашки слинял. Вы местные?

– Типа того, – уклончиво ответила Ксения, настойчиво увлекая мужа к дому.

– Тогда до встречи – я здесь часто буду тусоваться. Николаем меня кличут.

– *See you*⁶, – попрощался Степан, и, удаляясь от нового знакомого, добавил для жены. –

Кругом наши люди.

Директор Службы внешней разведки мерно греб брассом в пустом ведомственном спорт-комплексе. Настенные часы показывали, что до личной нормы пловцу оставалось уже немного. Раньше тот считал бассейны, но потом вычислил: километр проплывает за сорок пять минут. Появившийся на бортике помощник сделал столь озабоченное лицо, что пришлось прервать моцион.

– Извините, вызывают в Ново-Огарево. Срочное заседание Совбеза.

Директор грустно пошел в душевую – ожидал нечто подобное. Ситуация на Украине и вокруг нее развивалась по худшему сценарию: правые радикалы с позволения, вернее, с одобрения Запада, громили остатки гражданского общества, стирая в порошок недовольных. Вероятность прямого и вынужденного вмешательства России стремительно возрастала, а момент для косвенного и инициативного уже утрачен. Раньше следовало открытыми и тайными спосо-

---

⁶ Пока (амер. англ.).

бами поддержать оппозицию кровавому режиму, теперь оставалось лишь использовать вооруженные силы. Президент промедлил, опасаясь угрозы западных санкций, не захотел нарушить спокойствие граждан и теперь мечется в тупике. Ясное дело, ищет крайних, чтобы переложить часть ответственности. Опять будет винить спецслужбы: «Проспали, просмотрели». Предстоящее заседание обещало стать крайне неприятным для участников и опасным для солдат и офицеров, которых пошлют в бой. Еще до конца года неизбежна массированная интервенция, а с ней – и конфликт уже не с Киевом, а с Брюсселем и Вашингтоном. Опять же в Сирии нарастала угроза военного столкновения России и США.

В автомобиле повторил тезисы доклада: активизация недавно заброшенных разведгрупп в Крыму, подготовка условий для действий спецназа ГРУ и ФСБ, перевод на военное положение подразделений центрального аппарата и загранрезидентур. «Мало и поздно! Теперь в ход пойдут бригады и полки, авиация и флот! А ведь „вчера“ требовалось лишь оказать поддержку ополченцам Донбасса и перебросить в Крым 45-й разведполк ВДВ». Оставалось сожалеть, что в постсоветское время СВР лишилась своего боевого клинка – спецподразделения «Вымпел». Ему было бы по силам ликвидировать профашистскую верхушку в Киеве. «Эх, сделаем, что должны, и пусть будет, что будет». С тем и вошел в приемную загородной резиденции Президента.

Гнетущая атмосфера сделала членов СБ, обычно уверенных в себе и окруженных ореолом их высоких должностей, тихими и бесцветными. Председательствующий наконец поднял глаза от столешницы и оглядел собравшихся. Развязка приближалась, понял каждый. Губы еще не разжались, слова еще не вылетели, а безмолвный набат уже ударил: «СКОРО ВОЙНА!»

Макалистер вертел в руках механизм стрелки, не видя изъяна. Вездесущая влажность, дьявол её дери! Вроде, порядок, а контакт не действует – состав, вместо перехода на другой путь, проскочил в вагонный парк и врезался в отбойник! Копеечная замена есть в запасе, но беспорядок. Старый шпион беспорядка не терпел ни на службе ЦРУ, ни дома. Раздосадованный, швырнул стрелку на каменный пол – дремавший в кресле *Rugball* насторожил увенчанные кисточками уши. «Спи, спи», – извиняющимся тоном запричитал хозяин и поднял детальку. Она ничуть не пострадала и, чудо-чудное, вновь заработала. «Хороший знак. Решено: в следующую пятницу опять поеду в клуб – вдруг русский повторно выйдет на встречу». И, как черт из табакерки, выскочила идея: часть «железки» проложить по саду, сделав электрические воротца для пропуска составов в кондиционированную зону. Если товарищ Григ появится, то за дополнительную информацию с него можно снять еще денег.

Инструктор по дайвингу восторгался успехами ученика, который налету схватывал каждый совет.

– Замечательно получается, Если бы не знал, что это первые занятия, подумал бы, что уже имеете сертификат аквалангиста.

Анна ухмылялась тупости костариканца, а Матвей смущенно благодарил. Сертификат не получал, хотя легководолазную подготовку проходил в шпионской молодости. Техника шагнула далеко вперед, и нынешним молодым бойцам предстояло выходить темными ночами на крымские берега в современных гидрокостюмах и с дыхательными аппаратами, не демаскирующими пловца воздушными пузырьками. Жаль, что первые схватки грядущей войны пройдут без него, но сейчас важнее доставить в Москву сведения об агентурной сети ЦРУ. Зажмурился, представив, как слепнет и глохнет противник, лишившись источников в Москве. Открыл глаза: надо вернуться в Сан-Хосе и дожать Макалестера, в нынешних условиях недосказанность недопустима. И, довольный решением, энергично заработал ластами, пытаясь догнать показавшуюся в поле зрения морскую черепаху. Инструктор поспешил следом. Рептилия ускорила и через секунды растворилась в аквамарине, взмахнув ластами, словно птица крыльями.

Алехина осталась в лодке, наслаждаясь последними днями отдыха в самой счастливой стране мира, где нет армии и мало насилия, где никто не торопится и каждый наслаждается *Pura Vida*⁷. «Сегодня прощальный ужин на курорте, потом Матюхе захочется „сладенького“ – секс в тропиках получается жаркий». Внизу живота сразу потеплело и между ног стало влажно, хотя выше купальник оставался сухим. Оглянувшись, шкипер, вроде, ничего не заметил. Предстояло возвращение в столицу, затем – долгий перелет в Москву.

Продавленная тахта протестующе заскрипела просевшими пружинами. Спящий рывком перешел из запутанного сновидения в реальность. Темно, слышно, как из крана вода капает в раковину. Внешние раздражители отсутствуют, что хорошо. Главное – не потерять ниточку оттуда, из тьмы, что поманило решением. До сих пор задача стояла каменной стеной, отбивая как системную осаду, так и интеллектуальные штурмы. Только вот сейчас замаячило. Нет, не корректная формулировка, так – намек, мол, за горизонтом есть страна с иными законами, где другие рамки. Воспротивился ереси: в средневековые ученые европейцы полагали, что за морем живут люди с песьими головами. Но найти собако-человеков не удалось.

Встал, стараясь не шуметь, пробрался на кухню, сел на стул. Пол холодный, подтянул наверх босые ноги, обнял под колени. «А вдруг?» Впервые трещина в стене ему померещилась два года назад, когда вообразил, как несовершенен *«Принцип самосогласованности Новикова»*. С тех пор боялся даже промолвить слово, чтобы коллеги-физики сначала не высмеяли, а затем, как и положено, не украли идею. Пока проект охватывал лишь чисто локальные возмущения в перемещении элементарных частиц, хотя имелись намеки на большее. И даже эту тему приходилось прикрывать работами, за уши притянутыми к практическим исследованиям по методам дистанционного обнаружения реакторов подводных лодок. Там, конечно, еще пахать и пахать, хотя вероятно, что со временем ракетносам становится еще сложнее прятаться в глубинах океана.

«Хрен с военной наукой, пусть на нее секретные лаборатории вкалывают. Меня интересуют только пространство и время». Жулин чувствовал: наступает момент откровения. Либо в ближайшие дни-недели он совершит решающий теоретический прорыв и тогда «здравствуй, Нобелевская премия». Либо позже лабораторию попросту закроют, и придется пахать у шурина в цехе пластмассового ширпотреба. Налил в кружку воды, прикрутил посильнее кран – всё равно капает, гад. Иришка уже месяц требует починить, а руки не доходят. «Ладно, что там было во сне? Новиков утверждает: „При перемещении назад стремится к нулю вероятность действия, изменяющего уже случившееся ранее“». Конечно, автор всемирно известен, перебрался в Копенгагенский университет и возглавил Центр теоретической астрофизики. Небось, унаследовал кабинет самого Нильса Бора. «А кто я? Провинциальный и почти безработный доктор наук. Только и хромой конь перед живодерней способен взбрыкнуть».

– Сеня, кончай жечь свет. Иди спать, – прозвучал чуть осипший голос из спальни.

– Бегу, солнышко! – помилованный Жулин рванул под бок к жене.

Задремал почти сразу, и тот же невидимка из мрака нашептывал крамольные мысли о квантовой машине, способной пробить стену, защищающую вселенную от парадоксов. Диван помалкивал, его пружины своё уже сказали.

Панель из высокопоставленных сотрудников ЦРУ и ФБР собиралась нерегулярно. Постепенно обрастало мхом поручение Белого дома: «Изучить антитеррористический опыт ФСБ и СВР». Фактически: разобраться в обстоятельствах и причинах провала операции «Рагда». Хотя официально США её не проводили: Агентство действовало через «прокладки» – союзнические спецслужбы. Соответственно, мероприятия не документировались. Отрывочные материалы и дозированные ответы сотрудников не давали полной картины, хотя делали вероятным уже сло-

---

⁷ Чистой жизнью (исп.).

жившееся убеждение: «Цепь ошибочных решений при выборе методов и исполнителей». Грохнуть российского президента и еще кучу народа на Красной площади не удалось, а так хотелось! Скрытая от общественности злость в Овальном кабинете требовала козла отпущения. Теперь оставалось определить уровень, на котором будут выбраны виновники провала. И здесь в дело вступали соображения не оперативные, а политические. На Белый дом ответственность не свалишь и новый Директор ЦРУ назначен уже после фиаско, потому следует выбирать среди управленцев более низкого уровня и их зарубежных коллег-соучастников. Кофе выпито море, а результата по-прежнему нет. В действие вступил извечный принцип работы чиновников: «Не знаешь, что делать – ничего не делай». Окончательные выводы вновь отложили на потом.

Шеф Управления планирования разведопераций с облегчением уехал в Лэнгли: ему-то известно, что «Рагда» завалилась из-за него, хотя даже себе вслух не признавался. Огорчало, что вину не удалось переложить на Джека Макалестера – прежнего начальника русского отдела ЦРУ. «Хорошо хоть, что старый „Кошколюб“ вовремя ушел в отставку и свалил в Коста-Рику, иначе поднял бы пыль в Вашингтоне, в меня бы пальцем тыкал. Хоть бы сдох поскорее». Оставалось сгрузить дерьмо на английскую *MI-6*, подкинувшую кандидатуру русского предателя – товарища Грига. «Сукин сын обвел нас вокруг пальца!»

Коллега босса УПРО задержался в нью-йоркском офисе, поскольку у него появились сомнения. Для руководителя службы контрразведывательного обеспечения ЦРУ сомневаться входило в служебные обязанности, а за восемь лет на данном посту стало «навязчивым поведенческим нарушением», как определил бы опытный психиатр. Маниакальность не означает, что подозрения беспочвенны. Сейчас перед контрразведчиком сидела женщина лет тридцати, простоватая на вид и очень умная. Последнее качество делало Полину менее привлекательной для мужчин, которые, чуть пообщавшись, переводили её в разряд девушек, не умеющих нравиться и страдающих заморочками. А как не страдать, когда родители сослали в США в целях получения «лучшего образования». К окончанию колледжа у российской школьницы возникла проблема: папаша-банкир разорился, а поступление в университеты «Лиги плюща» не для бедных. Будь американской гражданкой, взяла бы учебный кредит в банке. И стипендию ни один из «плющевых» ВУЗов не предложил, однако из Джорджтауна пришло приглашение на собеседование. В ходе него два «преподавателя» предложили оплатить учебу бывшей (по рождению) россиянки и новоявленной (по проживанию) американки с условием поступления на работу в ЦРУ. На Родину ничего и никто не манили, в Штатах абитуриентка прижилась, от того и согласилась. Пролетели годы, и теперь занималась самой трудной оперативной работой – поиском чужих шпионов среди своих. «Чужой» в Управлении, по определению, тот, кто работает на Москву.

– Поли, «Группа анализа и обобщения опыта» шерстит операцию «Рагда». Изучает провал дружественных спецслужб, формально говоря. Указание на сей счет поступило устное, с самого верха. У нас досе по данному проекту не велось, так, разрозненные мазки попадают в файлы. Ты в курсе, как оно бывает. Сдается мне, что не чисто в нашей «фирме». Уж больно смачно КГБ приложил «Рагду».

Полина, привыкшая мыслить логически, кивнула: а) знала, как обдeldывают темные дела; б) в самых тяжелых случаях шеф всегда использовал старинную аббревиатуру для обозначения коварства российских спецслужб. Оставалось сделать стойку в ожидании команды «ату».

– Посмотри, что можно раскопать. Допуск оформлю. Не нравится мне поведение иных начальников: глава УПРО явно хочет отвести от себя подозрения и перевести стрелки на руководителя русского отдела, а тот быстренько ушел в отставку. И, странная история, – на секунду усталые глаза контрразведчика утратили фокусировку, – в России убиты все участники операции. Чекисты – жесткие парни, но зачем убивать ВСЕХ?

– Кажется, понимаю, куда вы клоните. Кто еще в теме?

– Я и ты. Действуй. Начни с сотрудников русского отдела, там должны сохраниться следы. Приценись к его бывшему руководителю Джеку Макалистеру, что нынче обретается в Коста-Рике. Я ставлю за ним «наружку», а ты через резидентуру в Сан-Хосе направь ему список вопросов. Понаблюдаем – вдруг задержается. Внимательно отслеживай, кто попытается вставлять палки в колеса или наоборот станет слишком усердно помогать. Возможно, Макалистер – наш клиент, возможно, нет. Возможно, работает не один.

– Позвольте, уточнить, – Полине хотелось внести ясность. – Ищем «крота»?

– Нам за это платят жалование. Не так ли?

Глава 3

Пляж

Грязь – субстанция или понятие, а местами еще и дорожное покрытие. 2-й Робеспьера пер. она покрывала толстым слоем. И еще жирным: при резком торможении машину занесло, и держатель баранки проводил неосторожного пешехода «ласковым» словом. «Очкастый ботан» прикинулся глухонемым, диалога не получилось. Хотя на душе столько невысказанного! Собственно, пикап «патриот» производства местного автозавода куплен в расчете на перевозку стройматериалов. Ремонт квартир и коттеджей надумал водитель заняться после увольнения из ульяновской бригады ВДВ. До сокращения она являлась дивизией, историческим свидетельством чего служил огромный аэродром для военно-транспортной авиации. Теперь на нем базировались гражданские АН-124, перевозившие крупногабаритную всячину по миру. «Русланы» подрабатывали даже на перевозках военного барахла НАТО.

А вот грузопоток, видевшийся Рудольфу в мечтах о гражданке, иссяк, так не начавшись. Конъюнктура рынка или неумение ею пользоваться похоронили проект в зародыше. Теперь старший лейтенант запаса ошивался у рынков и магазинов в ожидании случайного заработка. Шанс что-то куда-то подвезти выпадал редко. Водилы южного и горного происхождения – нагло, из-под носа – уводили клиентов. Один на один или один на два-три отставник легко бы справился с конкурентами, даже с учетом перелома *tibia* в правой конечности, из-за которого медики списали со службы. Большеберцовая кость срослась вокруг титанового стержня, и ногой можно убить любого пришельца, но таковые стали слишком многочисленны даже в Среднем Поволжье. Речь, понятно, не о татарах или чувашах, близких и родных, а о тех, кто принес с собой чуждые нравы и порядки. Один из их кланов и не оставлял места для индивидуального предпринимательства.

Сейчас экс-десантник (34 прыжка, в том числе высотный и с предельно малой высоты) направлялся в автосервис. Официальные таксисты рекомендовали ему вступить в профсоюз, чтобы противостоять супостатам. Требовалось перекрасить авто и купить лицензию. Необходимость менять цвет хаки на яичный огорчала Рудольфа, непривыкшего в армии к яркому и броскому, а объявленная цена покраски уронила нижнюю челюсть.

– Как дорого, уважаемый? – обиделся армянин, державший мастерскую. – Работа вредная: растворители, респираторы, экологическая прокуратура. Сделаю тачку как себе, мамой клянусь.

– Лады, только оттенок должен быть скорее оранжевый, чем желтой.

Щеглов не обращал внимания не только на автомобили. Прошелестевшая мимо брюнетка в черных чулках, а подобный тип ему безнадежно нравился, не заставила даже повернуть голову. Утренний звонок от взволнованного шефа вытащил из постели, даже позавтракать не успел. Жрать хотелось до боли – не близок путь до Засвияжья. Чужое местожительства у Жулина – здесь река Свияга течет с юга на север лишь в двух километрах от Волги, текущей в обратном направлении. Течет, чтобы аж за Казанью её воды впали в Волгу-матушку и вновь потекли на юг. Дома частного сектора – старые и новые, а названия улиц сплошь в честь революционеров. Вот и 2-й переулок Робеспьера.

«По логике, где-то здесь есть и 1-й? Вероятно, найдется и тупик Дантона».

Покосившееся деревянное крыльцо, продрогший Жулин ждет, накинув на плечи куртку.

– Доброе утро, Арсений Ильич.

– Здравствуй, Валера.

– Если вы насчет тех уравнений, то не беспокойтесь: там всё корректно – проверил.

– Нет, по другому поводу. Никто из твоих знакомых не ищет недорогую тачку?

– Нет.

– Жаль, «ниссана» своего продаю. Съездишь со мной на авторынок, а то одному стрёмно?

– Конечно, – разочарованно прозвучал Математик, чьи планы на день рухнули. – Кстати, я тут смягчитил, что нам нужно озаботиться не *конъюнкцией*, а *дизъюнкцией предикатов*...

– Постой! Ведь множеством истинности *дизъюнкции* является объединение истинности *предикатов*, – зачарованно выдохнул Жулин, забыв про машину и увлекая молодого математика в дом.

– Безусловно, и множество решений совокупности уравнений дает нам объединение множества решений каждого из уравнений.

– Ты – гений, Валера, – восхитился руководитель, уже угадав, что мелкий изъясн в стене, разваливает конструкцию *Принципа Новикова*. – С частями бороться легче, чем с целым. Мы победим.

– Правда, ассигнования нужны серьезные, Арсений Ильич, – вернул на Землю подчиненный. – Энергии потребуется море.

– Да, тут «ниссаном» не отделаешься.

В обычные дни Дрик-младший ненавидел папашу, коррупционера и лицемера. Тот публично обожал вещать о морали и ответственности, а вечерами дома пересчитывал наличку, поступившую в виде взяток и откатов. Понятно, политик, пусть и областного разлива, обязан профессионально лицемерить, но есть же границы! Впервые оказавшись в апартаментах, купленных отцом на имя сына, был ошарашен ценой и размером, испытал кратковременный прилив уважения. Недели пролетели, и магия Флориды девальвировалась. Да, пляж, да, поездка в *Disneyworld*, да, волшебная цепочка островов в сторону Кубы. Замечательный отдых для туристов и пенсионеров, прибыльный бизнес для отельеров и наркодилеров. Николаю-то чем заняться на чужом празднике жизни? Море-рыбалка, клубы-выпивка? Ну, в познавательных целях отодрал первую негритянку, пуэрториканку и кого там еще? А дальше пустота. Русское *community* имелось, вот только скучно слушать прибалтанный шансон в компании Жоры, Жанны и прочих, сумевших урвать на Родине и метнуться в Штаты.

В Ульяновск не тянуло, нисколько. Узнать бы, как там ребята, шеф? Только дороги назад нет: не для того корпел в шарашке два года, чтобы возвращаться в ту же дыру. Предок специально бабки выбил для Жулина, когда сын Коля прослышал, что тот собирает команду для рывка в неизведанное. Дураком был после аспирантуры, но быстро понял: светиллом науки вряд ли сумеет стать. В смысле, на родине. Зато на Западе можно сделать имя, спекулинув жулинскими идеями и разработками. Жаль, конечно, что финального прорыва в НИИ не случилось, зато находки имели место. Теперь настала пора ими верно распорядиться. Сперва подумывал пристроиться к Новикову в университет, только Копенгаген оказался плоским и непривлекательным. *Карлсберг* и *Туборг* не заинтересовали – пиво парню не нравилось. В парке *Тиволи* понравилась худенькая датчанка с чуть оформившимся животиком, только та подняла хай, а всего-то её обнял и повел уединиться.

Полиция, протокол, *sexual harassment*⁸, арест, настоятельный совет адвоката покинуть Данию, не дожидаясь суда.

В родном городе было проще: трахал баб направо и налево, предпочитая беременных, находя их особо пикантными. А чего париться? Рост почти 180, брюнет с правильными чертами лица, речистый и с ухмылкой плохого парня. А телки охотнее дают плохим парням. Разумеется, случалось, что объекты вожделений отказывали, одна даже заявление в прокуратуру настрочила. Мол, насилие, мол, выкидыш. Чепуха, батя легко замял, но велел быть аккурат-

---

⁸ Сексуальное домогательство (амер. англ.).

нее, особенно за границей. «Блин, тут разве, кого зажмешь в кустах! Опять же с языком проблема. Зря ленился в универе учить англиш. Хотя и здесь есть, кому засадить. Та, зеленоглазая шатенка с Хермоза Бич – очень ничего. Кожа белая, аж, прозрачная. Игривая сучка, наверняка, как залетела, так трахаться хочет трижды в день!»

Решив, что кроме серфинга теперь появилось интересное занятие, вновь порадовался решению переехать в Калифорнию. Не зря тот цэрэушник, что беседовал с ним в копенгагенском СИЗО, рекомендовал двигать именно сюда. Услышав от перепуганного физика про ульяновский НИИ реакторов, заинтересовался и сказал, что свяжется с людьми из Ливерморской национальной лаборатории. И откуда, сволочь, узнал про арест русского туриста? Хотя совет дал верный: лаборатория, хоть и числится за министерством энергетики США, является научным центром планетарного значения. Оттуда Дрику и позвонили в Майами, прямо в отцовские апартаменты. Как только телефон нашли? Впереди собеседование, надо подготовиться, чтобы набить себе цену и дороже продать достижения шарашки. Время еще есть, пока можно и помечтать. «Смотаться что ли на пляж? Прогноз по волнам сегодня клёвый. Жаль номерок у зеленоглазки не взял, но, может, она гулять выйдет. Только мужик у нее крутоват: повыше меня будет и в хорошей форме. Хотя днем, наверное, пашет на офисе, как папа Карло».

Несмотря на суету чиновников и постоянные разъезды черных лимузинов, печаль, если не подавленность, царил в загородной резиденции Горки-9. Экономические индексы смотрели вниз как глаза премьера, читавшего очередной опус спичрайтеров. Хотелось уже сесть в вертолет, подняться над Рублево-Успенским шоссе, домчаться до «Внуково-2», оказаться в самолете с логотипом «Россия» и улететь прочь от московского геморроя. Увы, в сегодняшней повестке значился прием двух губернаторов, заседание кабинета министров и протокольная съемка для ТВ. Рано мечтать об отъезде в Саров на предстоящее совещание. К нему следовало отредактировать текст, чтобы на мероприятии выглядеть умным и убедительным. Вернулся к документу: *«Правительство уделяет особое внимание модернизации сектора науки, созданию конкурентоспособных лабораторий мирового уровня, внедрению новых принципов финансирования и организации работы научных коллективов и, конечно, поддержке перспективной молодежи, которая стремится воплощать свои идеи и проекты именно в России и для России».*

Анна промолчала, хотя надула губы – последний вечер в Коста-Рике, а Матвей опять смылся «по делам». За десятилетия совместных заграникомандировок смирилась с «оперативной необходимостью» его поступков, но теперь сильно боялась за мужа. Возврат в мир шпионажа не прошел для него бесследно: рак, имитация самоубийства, пластическая операция. Особенно удивило, когда шпион – уже под иной личиной и фамилией – заключил повторный брак с «вдовой», да еще поволок ее в Центральную Америку. Наивно полагать, что ветерана разведки влекли сюда райские кущи. Ладно, лишь бы нормально вернулся до утреннего рейса в Москву.

Алехин брел по уже знакомому маршруту, автоматически сканируя местность и людей. Ничего подозрительного, а спокойствия нет. Войдя в знакомый тупичок, не заметил двух мужчин в камуфляже, как и по пути на первую встречу. Нутром чуял, что отчего-то должен повторно увидеть «Хоттабыча», был уверен, что и тот появится в шахматном клубе. Знакомый особнячок, гостеприимный Мануэль фамильярно хлопает по плечу. Опять ароматный *мохито* и *голубой момот*. Только прежний стол занят, пришлось сесть за другой. «Ладно, сыграю с кем-нибудь, пока „Хоттабыч“ не нарисовался». Мат последовал быстро. Не то чтобы соперник оказался силен, просто Джек вошел точно в то же время, как и прошлый раз. «Во, как его повело от ожидания денег, что упадут на офшорный счет», – ошибочно счел товарищ Григ. Ошибка вскрылась сразу: американец начал совершать словесные круги, словно его котище, как бы без дела прогуливающийся в саду вокруг закопанной мыши.

– Джек, я сегодня не пью, а то в самолете колбасить будет, – Матвей сократил радиус бесцельных кругов.

– Жаль, только мы познакомились. Не поверишь, тут потолковать не с кем. Единственная отрада – строительство игрушечной дороги. Из Штатов привез. Между прочим, как тебе паровозик?

– Еще не открывал. Берегу, дома сувенир на полочку поставлю.

– Полторашку когда переведешь?

– Как только заказчик в Москве оценит товар. Задержки не будет. Месяца два-три.

– Не доверяешь мне?

– Доверяю, ибо ты знаешь, что мы тебя легко можем сдать для посадки на электрический стул. Но надлежит проверить людей, которых ты сдаешь. Вдруг кого из них ваше управление использует в качестве прикрытия иных источников информации.

– Так-то так, Свен, только и на тебя есть крючок: твой сын с невесткой ведь в Калифорнии обретаются. И лично по твой скальп начнется охота, стоит мне свистнуть, что *comrade Grieg*, сорвавший операцию «Рагда», жив.

– Раз у обоих игроков сильные позиции, предлагаю ничью, – Алехин протянул руку через шахматную доску.

– *Fucking chess*⁹! – Макалистер откусил и выплюнул кусок сигары. – Старые привычки мы не способны забыть. Пугаем друг друга, а ведь я пришел пофилософствовать.

– Неужели? Заинтригован, коллега, – разведчик угадывал сценарий мизансцены, её требовалось отыграть безукоризненно. – Мне дорого обойдется?

– Расскажу байку, сам определишь цену, – Джек пригладил бородку, сложил руки на животе и, вытянув ноги, начал повествование. – Представь, в Копенгагене арестован за сексуальное домогательство некий русский турист, физик по профессии...

– Дай, укорочу рассказ: датская контрразведка информировала тамошнюю резидентуру ЦРУ и её оперативник...

– Промашка, товарищ! Оперативник подтянулся из ФРГ – там центр по обработке потенциальных перебежчиков. Так вот, он посетил ученого в кутузке, чтобы опросить – рутина, не более, – «Хоттабыч» глотнул вискаря и с удовольствием перешел к смачным деталям. – Парень ему сообщил, что трудится в ядерном НИИ, в городе, где родился Ленин. Как тот называется?

– Ульяновск.

– Во-во. Ну, опросные листы передали в научно-технический отдел.

– И что?

– А то, – Джек сделал эффектную паузу, не спеша вновь прикуривая потухший окурочек «гаваны», – историю поведал мой бывший подчиненный, что недавно сюда заезжал. То да сё, выпили, понятно, я вспомнил старые анекдоты, он рассказал новые хохмы из Лэнгли.

– В том числе? – Алехин напрягся, уже догадываясь – нет, зная, что последует умопомрачительный финал.

– Физик сейчас в Калифорнии. Проходит полную проверку по линии нацбезопасности: ему предложат высокооплачиваемую должность в Ливерморской национальной лаборатории. Слышал про такую?

– Еще бы, там создают перспективные виды оружия, мегакомпьютеры, суперматериалы, – ветеран облизал губы, припомнив, что во времена «холодной войны» лаборатория являлась важнейшим объектом проникновения для иностранных разведок и, соответственно, объектом защиты для спецслужб США. – Случайных людей туда не берут.

---

⁹ Чертовые шахматы (амер. англ.).

– Мой коллега уверял, что любитель брюхатых красоток, очевидно, попадет в самый закрытый отдел нетрадиционных исследований, – «Хоттабыч» наконец протянул руку черед доску. – *Checkmate, herr Svensson*¹⁰! Какой мне полагается приз?

– Чушь! Тот, верно, про вечный двигатель набрехал, лишь бы ему из Дании выбраться и получить теплое местечко.

– У него имеются шикарные апартаменты во Флориде и приличный счет в *Citibank* – папаша, госчиновник, постарался для сына, – Макалистер пустил в ход неожиданный козырь. – Не бедствует парень, но, видимо, рассчитывает выгодно реализовать информацию из Ульяновска.

– Не знаю, не знаю. Как-то эфемерно выглядит. Пока не вижу особой ценности в твоей наводке. Надо проверить, конечно. Имя назовешь?

– Тут заковыка: приезжавший коллега называл его «тот му**к». Я не стал спрашивать, чтобы не спугнуть.

– Ок. Если извращенец интересен Москве, адекватно пополню твою подпольную кассу.

– Мэтью, учти, парень может быть вашим агентом внедрения, а не просто перебежчиком.

– А твой коллега может быть подослан. Будем разбираться. Спасибо за партию, мне пора.

– *Good luck*¹¹, – Макалистер погрустнел, – больше в Коста-Рике не появляйся. Наши дела закончены. Буду скучать!

– Да, уж меня сюда на аркане не затащишь, – «Свен Свенссон» встал и раскланялся. – Живи долго, умри быстро.

Покинув *Fianchetto Chess Club*, ветеран прошел по переулку до улицы, по которой добирался на встречу, повернул за угол и метров через двадцать укрылся в куртине пахучих кустов. Ждать пришлось недолго: в 21:37:00 внедорожник «Хоттабыча» выехал из переулка и двинулся в противоположную от разведчика сторону. «Зря под кайфом рулит, – покачал головой русский, – хорошо, что вышел один – работал без прикрытия».

К аналогичному выводу пришел и *Primero*¹² из закамуфлированной «двойки». *Segundo*¹³ отлучился сразу после того, как объект – фамилию Макалистера им не сообщили – приехал в клуб. За американцем, крадучись, подтянулся голубой «форд», в темноте его истинный цвет оперработник определил, лишь подкравшись вплотную. Сидевший в салоне мужчина наблюдал за особнячком в бинокль, который при ближайшем рассмотрении оказался инфракрасным сканером. «Сука, через стены пытается определить, с кем объект встречается, чтобы потом отследить контакт. Значит, в силу вступает протокол „Б“». Ведь «А» предусматривал лишь контрнаблюдение за «шведом». Теперь пришлось дважды щелкнуть кнопкой системы ближней оперсвязи. Напарник прислал квитанцию, ответив так же. Радиус покрытия – километр, говорят, перехват сигналов невозможен. Но то по мнению техников, а действовать послали совсем иных парней. Бросил камешек в крышку багажника легковушки, наблюдатель застыл, прислушался и (кто бы сомневался!) вылез посмотреть. Семь миллионов вольт вырубили его моментально – парализующий электрошокер применял профи. Скрытно подошел *Primero*, помог загрузить тело в багажник «форда».

– По документам, сотрудник Управления по борьбе с наркотиками США, но местный житель – на отличном испанском сказал Второй. – Предлагаю дорожный вариант.

– Согласен. В одиночку справишься? – Первый ответил также по-испански, почти без славянского акцента – он был постарше, язык начал учить поздно. – Место помнишь?

---

¹⁰ Шах и мат, господин Свенссон (англ., нем.).

¹¹ Счастливо (амер. англ.).

¹² Первый (исп.).

¹³ Второй (исп.).

– Два раза «да». Я поехал, – *Segundo* торопился сесть в «форд», поскольку предстояло отмахать двадцать верст до удобного обрыва в горах, густо заросших сельвой – русский ошибочно считал, что так именуются тропические леса Коста-Рики.

– Видимо, ты не успеешь к окончанию встречи «шведа» с объектом. Встретимся на запасной точке завтра.

– Ок, – Второго не радовала необходимость добираться от ущелья пешком и на перекладных, но «форд» назад не вернется.

Глава 4

Аудиенция

Чудов волновался в «Шереметьево», словно встречал любимую женщину. После гибели жены не случилась вторая любовь, от того вдвойне переживал за друга. Внешне, само собой, никаких проявлений: без слов пожал руку Матвею, когда Алехины сели в «БМВ». Цветы и объятия на выходе с паспортного контроля не для шпионов, особенно, если один инкогнито возвращается с задания. Опер за рулем был допущен к работе по «Хоттабычу», хотя и не знал важных деталей. В почти полной тишине, лишь подчеркиваемой шуршанием шин, ощущалось приподнятое настроение: операция завершена, разведчик вернулся на Родину. Анна, уставшая после трансатлантического перелета, с тихой улыбкой глядела в окно, дожидаясь, когда машина свернет с Рублево-Успенского шоссе. Наконец ворота поселка, семейная резиденция в лесу. Торопилась принять ванну и переодеться с дороги.

Друзья в дом не спешили, направились в сад.

– Удачная поездка? – не выдержал младший, хотя формально и являющийся главным.

– Вполне, Игорь. «Хоттабыч» прислал сувенир, – ветеран протянул латиноамериканский паровозик. – Ждет денег.

– Переведем, только сперва хотелось бы взглянуть, какие сведения получили.

– По его словам, двадцать агентов ЦРУ из числа российских граждан: военные, чиновники госаппарата, ученые, сотрудники спецслужб. Всю сеть не сдал, как мы и предполагали. Опасается, как бы после зачистки на него не вышло ФБР. Просит действовать аккуратно.

– Аккуратно! Не вздумай сказать Самому: после крымской трагедии рвет и мечет, готов лично грызть глотки американцам. Захочет публично нанести им удар.

– Плохо, когда оперативные интересы подменяются политическими, тем более пропагандистскими. Раньше репу следовало чесать. Ладно, пойдем, пропустим по рюмашке аквавита.

– Погоди. Вижу, что-то тебя заботит. Расскажи. Не наследил в Сан-Хосе?

– Проницательно, Игоряша. Не наследил, но проблемка есть. Маленькая, вонюченькая. Пока рано беспокоиться. К «Хоттабычу» отношения не имеет. Прямого.

– Ну-ну, – протянул Чудов, слишком хорошо знающий коллегу, чтобы поверить в его озабоченность «маленьким и вонючим».

Желтый как утенок пикап неожиданно стал радостью для Рудольфа. Пусть заработки не супер, но стоило выйти из подъезда и перед глазами «солнце» на колесах. Пассажиры, за зиму истосковавшиеся по ярким краскам, чаще других авто выбирали именно его «уазик». Возможно, привлекало и громкое название «патриот», хотя и написанное латиницей. Видимо, русский патриотизм в стране стал востребован после захвата Украины нацистами и их карательных акций против русскоязычного населения. Так или иначе, бывший десантник решил начать день со встречи утреннего рейса из Москвы – часть гостей Ульяновска обожала прокатиться на образце местного автопрома.

Лаборантка стеснялась, что повышало Валеркины шансы на продолжение знакомства. Только проклятое безденежье делало маловероятным охмурение сотрудницы отдела биологической защиты от радиоактивного излучения. Симпатичной – да, сексапильной – пожалуй. «В кино сводить? Потом куда? В общагу с тараканами?» Хотя тараканы заметно повымерли в результате повсеместного распространения мобильных и *Wi-Fi*, берлога математика краше не стала. Смущало и периодическое отсутствие горячей воды.

– Вы чем конкретно занимаетесь в НИИ? – девушка задала каверзный вопрос.

Валерий привычно стал углубляться в дебри, хотя по опыту знал, что вновь спугнет добычу. Вынужденно сделав решительный поворот, перешел, как в сети рекомендуют опытные пикаперы, к рассказу о радужных перспективах, которые открываются перед научным коллективом. Особо напирал на грядущее материальное благополучие.

– А мама говорила, группу Жулина закроют и его уволят. Вас переведут в другую лабораторию?

– Вероятно, – у мужчины сразу угас пыл исследовать малоосвоенные дебри женских эrogenных зон. – Посмотрим.

Соблазнение дочки замдиректора по административно-хозяйственной деятельности не состоялось. Очередная осечка.

Зомбоящик без остановки крутил сцены зверств и насилия, чинимых киевской хунтой, разоблачал лицемерие и русофобию её западных покровителей. Особенно впечатляли картинки жестокого разгона мирной демонстрации в Симферополе, участники которой осмелились требовать автономии и права использовать русский язык. Областной суд Крыма приговорил к пожизненному заключению бывших руководителей полуострова. Мелькали кадры жертв полуфашистского режима. Внезапно диктор напрягся и плотнее прижал наушник, прислушиваясь к голосу редактора. Затем перевел глаза на камеру, вернее на телесуфлера рядом с ней, и трагическим голосом объявил: «Как только стало известно, ночью застрелен т. н. „народный мэр“ Севастополя Вячеслав Талый. По утверждению властей, группа вооруженных лиц пыталась освободить арестованного террориста из тюрьмы. Все нападавшие убиты. Находящаяся в Москве вдова погибшего заявляет, что имела место внесудебная расправа над противником путчистов, захвативших власть на Украине».

Когда из эфира полились ритуальные восхваления мудрости российского руководства, не допустившего вовлечения страны в украинскую трагедию, Алехин не выдержал и выключил ТВ. Вновь попытался сосредоточиться перед поездкой в Ново-Огарево. Предстояло доложить Президенту сведения от «Хоттабыча», однако точное время аудиенции не назначено. №1, понятно, сильно занят, вызов следовало ожидать ближе к полуночи или даже позже. Благо ехать до Ново-Огарево минут десять. Чудов бродил по большому, полному комнат и воспоминаний дому, не находя себе места. У Матвея уже не осталось сил отвлекать его разговорами: оперативная часть многократно обсосана, а о последней встрече с Макалистером ветеран решил помалкивать.

В гостиную заглянул Опер, кивнул: в левой руке у него папка с шифрзамком и механизмом самоуничтожения, правая – свободна, под пиджаком угадывается пистолет. Значит, пора.

– У тебя ствол торчит. Плечевую кобуру задом наперед надел?

– Никак нет, просто вместо ПСМ сегодня взял «Глок-17».

– А как же любимая «Гюрза»: 18 патронов, пробивает любой бронежилет? Та самая, с операции «Рагда»?

– Так точно, только теперь она с наградной гравировкой от Директора СВР. В рабочем сейфе храню. Пользуюсь иностранным стволом – отличные ТТХ и носить удобнее.

– Надеюсь, сегодня не пригодится.

– Как знать, лучше «глока» только автомат, но с ним не пустят.

– Охрана резиденции любой ствол изымет.

– Нет, я в машине посижу, меня дальше карантинной зоны не пустят.

– Усилили режим?

– ФСО лютует.

– Есть поводы?

– Поводы всегда имеются, спросите у Игоря Дмитриевича.

По дороге Матвей поинтересовался у друга «усилением». Тот провел рукой по платиновому ежику волос и выдал емкую формулировку: «В силовом блоке есть несогласные с пораженческой линией. Опять же крупные бизнесмены из-за угрозы экономических санкций толкают Лидера к проведению соглашательской линии в отношениях с Западом. Может заискрить».

Когда машина свернула с Рублевки на боковую дорогу, Алехин удивился: на сотни метров по обеим сторонам лежали штабеля вырубленных сосен: «Неужели, опасаются засады прямо у ворот резиденции?» В приемной пил чай Директор СВР, его рукопожатие с товарищем Григом вышло крепким и теплым: ветеран привез важную информацию. С Чудовым – поверхностным и холодным: бывший заместитель недолюбливал руководителя службы, тот отвечал взаимностью. Ждали долго, признаков нетерпения не проявляли. Знали, Сам – сторонник планирования, но не фанатик этого дела. Скучный кабинет с дорогой казенной мебелью во вкусе Управления делами президентской администрации, ничего личного и красивого, просто помещение. Защищенное от проникновения физического и электронного, укрытое в центре почти крепости в глубине остатков подмосковного леса, исчезнувшее из сетки координат GPS.

– С возвращением, Матвей Александрович! Загорели. Здоровье в порядке? Как съездили? – Хозяин резиденции, смотрел на Алехина и не узнавал лица, столь измененного пластическими хирургами. Потом умолк, и глаза неопределенного цвета устремились вдаль, будто пытаясь заглянуть за горизонт. Расслабленная поза компактного, хорошо тренированного тела являла спокойствие и уверенность, хотя внутри, а пришедшие душезнатцы умели угадывать смятение в чужих душах, чувствовать напряжение, изнуряющее Лидера страны. Секунду тот сидел, чуть склонившись на бок и сплетя костистые пальцы рук, затем выпрямился, поднял голову и высокий лысеющий лоб словно уменьшился.

– В норме, спасибо. Задание выполнено, – кивок в сторону Чудова.

– У вас есть время до 00.45. Игорь Дмитриевич, доложите, – Президент перевел взгляд бесцветных глаз на политического выдвиженца, которого забрал из разведки, сделав одним из сопредседателей Общенародного фронта.

– По вашему приказу я спланировал закордонную операцию. При содействии Службы, – словесный реверанс Директору, – товарищ Григ провел встречу с источником. Вот список агентов в России, которых тот сдал, – даже в безопасной обстановке опытный оперативник не назвал имена, места или иные подробности, способные раскрыть обстоятельства контакта с «Хоттабычем».

– Впечатляет, – после паузы Лидер оторвался от листов, как бы заново увидев участников совещания. – Какие соображения?

– Хотел бы обратить внимание на особую щекотливость данных, – вкрадчиво начал Директор. – Хотелось бы сохранить возможность использовать некоторых лиц из списка для дезинформации противника, а также принять меры по зашифровке источника в целях его последующей разработки. Нам удалось вычислить, что на вторую встречу «Хоттабыч» пришел с хвостом.

– Черт побери! – №1 порой использовал и более крепкие выражения, но не считал сильные слова сильными аргументами. – Чудовищный прокол!

– Группа прикрытия отработала штатно, угроза провала устранена, – не без удовольствия Директор кинул на стол козырного туза. – Извините, что не информировали вас, товарищ Григ. Мы были обязаны принять исключительные меры для обеспечения вашей безопасности...

– То есть ликвидировать меня в случае моего перехода к цэрэушникам, – перебил Матвей.

– Или попытки с их стороны захватить нашего лучшего разведчика, а также для контрнаблюдения за обстановкой вокруг ценного американского источника, – гнул свою линию шеф СВР.

– Последнее важно еще и на перспективу, поскольку провал «Хоттабыча» в результате скоропалительных или неосторожных действий с нашей стороны, – поддержал Чудов, – создаст отрицательный пример сотрудничества такого рода инициативников со Службой, отпугнет потенциальных последователей.

– Лекции по оперработке читать пришли? – раздражение хозяина выплеснулось через стол на гостей. – Сейчас неподходящий момент, чтобы миндальничать, надо врезать нашим заокеанским «партнерам». Список передам руководителю ФСБ, потребую максимально жестких действий. Кстати, в числе предателей есть сотрудники и вашего ведомства.

– Если позволите, – Матвей уже уловил, откуда и куда дует ветер, что пожнет бурю. – Наш доброжелатель назвал мне высокопоставленное лицо из своей конторы, к которому питает устойчивую неприязнь. Страстно желает его скомпрометировать. Кроме того он указал на погибшего аналитика из той же конторы, который мимолетно контактировал с одним из наших оперработников. Целесообразно сформировать из них фальшивую цепочку, которая при грамотном подходе будет воспринята противником как реальный канал утечки, приведшей к провалу агентов.

– Дело говорите, – чуть подобревший Президент зачем-то пальцами поправил кроткие волосы на висках. – Запустим им ежа в причинное место.

– Безусловно, полезно посеять неуверенность и шпиономанию, – поспешил поддержать Директор.

– Вот вы с Чудовым и займитесь, – Лидер дал поручение, – посоветуйтесь с коллегами и представьте план.

– Будет исполнено, – ответил руководитель Службы.

– Тогда все свободны. Отдельное спасибо товарищу Григу. Берегите себя – вы очень нужны Родине, – попрощался обитатель Ново-Огарево.

– У меня есть личная просьба, – неожиданно произнес Алехин, взглянув на свой *Ulysses Nardin*, показавший 00.38 ровно.

Последовал благожелательный кивок Самого. Директор сделал вид, что не удивлен наглостью отставного полковника. Чудов понял: всплывает «маленькая проблемка» таинственной озабоченности друга.

– Что могу для вас сделать, Матвей Александрович?

– Устно, вне списка «Хоттабыч» обозначил еще некоего субъекта. Мелкая сошка, но в ситуации я хотел бы разобраться лично, не привлекая внимания. Вероятно, дело не стоит выведенного яйца, хотя возможен и противоположный расклад.

– Слушаю, только коротко, пожалуйста.

– История звучит несерьезно, – уже через несколько минут констатировал национальный Лидер, – а в стране хватает реальных дел. Впрочем, принимая во внимание ваши заслуги и оперативное чутье, не запрещаю действовать в приватном порядке.

– Потребуется оперативный и административный ресурсы.

– Передайте Директору и Чудову, что я велел помочь как по линии Службы, так и Общенародного фронта.

Обделывая в темноте свои делишки, природа распространяла в еще морозном воздухе наркотик «скорая весна». Пара вздохов и разведчикам стало ясно: зиме конец. К крыльцу резиденции скользнула машина Директора. Прощаясь с ним, Алехин сделал пару лишних шагов, как бы провожая к открытой двери.

– Подледную рыбалку не забросили? – чуть притормозил и усилил нажим на руку руководителя внешней разведки.

– Воскресное утро стараюсь проводить с мормышкой на Пироговском водохранилище, – понимающе кивнул тот, поняв, что без веской причины товарищ Григ не задаст вопрос члену Совета безопасности РФ. – Возьмите у Чудова оперативный смартфон, звоните мне.

Уже отъезжая, вертел головой – не мог оторвать глаз от исчезающей во мраке парочки. «Новую заваруху мутят, – то ли с осуждением, то ли с одобрением подумал Директор и переключился на мысли об операции по компрометации человека, указанного „Хоттабычем“. – Подставить шефа Управления планирования разведопераций ЦРУ – не поле перейти!»

На обратной дороге Игорь сдерживался, видимо, стесняясь Опера. Приехав к дому Алехина, не смог удержаться.

– Матвей, что ты поведал Главному? И почему от меня скрываешь? – горечь сквозила в упреке.

– Тема тухлая, останешься пока в стороне, – ветеран избегал встречаться взглядом с другом. – Надеюсь, окажешь поддержку и прикрытие. Как в Сан-Хосе, только на сей раз не анонимное.

– Разумеется. Прости, что так вышло в Сан-Хосе. У меня и Директора имелся прямой приказ Президента тебя не информировать.

– Да, и хер бы с Коста-Рикой, без обид – проехали. Вернемся в день сегодняшний. Нужна настоящая ксива от ОФ и командировочное предписание от Администрации.

– На фамилию?

– Старая: Матвей Александрович Алехин. Новую побережем для обычной жизни.

– Срок?

– Завтра.

– Тогда не останусь у тебя ночевать, вернусь в Москву.

– Опера держи у ноги – может потребоваться в любой момент.

Обычно привыкший к нагрузкам – политическим и спортивным – Лидер засыпал сразу, хотя лишь на 4-5 часов. Так и случилось, несмотря на проблемы и невзгоды дня – очередного в тяжелом для страны году. Только в ту ночь слабые разряды тока и тонкие химические реакции в коре головного мозга сотворили навязчивый сон: будто многократно появляется Алехин и каждый раз рассказывает что-то другое, а, может, и то же самое, но по-иному. Что это было? Защитная реакция на перегруз? Кошмар? Неисповедимы пути подсознания, защищающего и излечивающего человека от ран душевных, а то и спасающего разум от безумия. Зря странный сюрприз не появился бы, а не будь он нужен, мозг отринул бы его. Значит, товарищ Григ нужен? Матерый пес взял верный след? Куда же тот ведет?

Глава 5

Саров

Академик старенький, дряхлый, отчасти напыщенный. Встретишь на овощном рынке, примешь за пенсионера, на ощупь выбирающего мандарины подешевле и помягче. Младшие и старшие научные работники хихикали над классическими чудачествами: то очки ищет, а они на лбу, то чью-то фамилию напрочь забудет. Вот и сейчас мэтр российской физики мыкал и гыкал, позабыв, как именуется юное дарование. Наконец вспомнил об универсальном обращении к молодежи.

– Вы, юноша, про Эйнштейна слышали? Небезызвестном умище XX века?

– Да, – односложно ответил ученый, предчувствуя театральный разнос в присутствии коллег.

– Что тот говорил? – Альберт предупреждал: только дураки ставят одни и те же эксперименты, ожидая различных результатов. Так кого же рожна вы, юноша, упорствуете со своим бионосителем?

– Естественный биологический материал для записи и хранения большого объема данных, – вежливо поправил розовощекий кандидат наук и добавил. – Последние опыты дали положительный результат. Целая серия, без исключений.

– Гм, – сбавил тон руководитель Федерального ядерного центра, – вероятно, условия экспериментов являлись некорректными.

– Мы подготовили демонстратор, – парень достал из кармана смартфон.

Качество оказалось отнюдь не *HD*, видео подрагивало – снимали тем же телефоном. Двухминутный репортаж об автоаварии.

– Жуткая фанаберия? У нас в Сарове? – устало спросил Академик, полвека знававший сей закрытый наукоград, в секретных документах прежде именовавшийся Горький-130, Арзамас-75, Москва-300, далее по списку выдумок сотрудников госбезопасности.

– Возле Свято-Успенской пустыни, – вставил завлаб, не рискнувший лично делать презентацию.

– На кой ляд подобные картинки? – опять повысил голос мэтр и осекся, узрев кабель, связывающий смартфон с чем-то вроде тряпичного лоскутка. – А, носитель таки зафурычил. Поздравляю! И какая емкость?

– Пока мегабайты. Надеемся отказаться от провода, перейти на *Bluetooth*.

– Не тушуйтесь, молодой человек. Удивлен, не впечатлен. Какое прикладное значение могут иметь исследования? Кому нужны ваши тряпицы?

– Пока неизвестно, но в потенции...

– Вам рановато размышлять о потенции, юноша. Эта тема стариков заботит. Ну, ладно-ладно, шучу. Работайте, тему оставляем в плане Центра на текущий и следующий годы. Молодцы. Коллектив отметим премией. С скромной.

– Ура! Спасибо! – в разной степени ответили участники проекта.

– И чтоб сегодня не напиваться вусмерть – знаю вашего брата, – Академик вдруг вспомнил спиртовые возлияния по поводу создания в Сарове каждой новой Бомбы.

В коридоре помощница по связям с органами власти забежала слева – правым ухом босс слышал плохо, а слуховой аппарат носить отказывался – и горячо зашебетала: «Премьер прилетает на совещание по развитию науки, надо ему „тряпочку“ показать. Он обожает смартфон-интернет-инновации». «*Це дило*, – процедил светило, чье донбасское происхождение порой просвечивало через карьеру в России, – скажи заведующему, чтоб всё было обсоси гвоздок».

В ресторане «Медиум», где отмечали успех, заведующий и обрадовал новостью участников застолья. Лишь один загрустил, но после нескольких рюмок, а настоящие физики пьют только водку, громко заржал.

– Не, что за хреномуть – «тряпочка»! – для баланса опершись на стол, обратился к коллегам. – Разве может так называться серьезный проект? Нет.

– Что предлагаешь? – откликнулись наиболее трезвые.

– Давайте, окрестим его «Медиум».

– Это же название ресторана, где гуляем, – возразила соседка.

– Видите, и для конспирации вполне прокатит, – заулыбался крестный отец. – Шпионы ни в жисть не угадают.

Марина Талая не плакала, слезы кончились давно. Смерть мужа не стала неожиданно, хотя женщина надеялась на лучшее. «Сволочи, замучили Славу, – твердила дочь, который день мерившая шагами крохотную квартирку. – Фашисты проклятые». Разъяснять ей жестокие законы революций и контрреволюций бесполезно, хотя отец, наверное, сумел бы. Подросток до сих пор называла его «Слава», как в младенчестве, когда научилась выговаривать первые слова. Вчера девушка хотела пойти к посольству Украины и убить посла или кого-нибудь из дипломатов. Мать насилу убедила, что это не поможет. Да и кто или что могло бы помочь? А ведь Вячеслав еще в самом начале заварухи считал, что только решительные действия защитят Крым от оккупации войсками хунты. Не смог уговорить трусов из парламента и правительства полуострова, не смог добиться поддержки от властей России. Даже в Москву специально приезжал, обивал пороги. Тогда и перевез сюда семью, словно предчувствовал печальный конец.

И всё же сквозь грусть пробивалась гордость за мужа, не отказавшегося от борьбы, поднявшего пусть горстку крымчан на вооруженное сопротивление. И в тюрьме, под пытками, никого не выдал. За то и убили его палачи или просто так замучили. «Надо доче как-то втолковать, чтобы батей гордилась, не опускала голову». Прошла в ванную крохотной квартирки, благо знакомые приютили, долго причесывалась, переделась в свежую блузку. Скоро приедут телевизионщики, надо выглядеть достойной погибшего мужа, надо донести до россиян правду о происходящем на Украине.

Франко-итальянский *ATR-72* жужжал пропеллерами два часа, утомив Алехина неторопливостью. Он собирался вылететь утренним рейсом на более шустром «боинге», но последовал звонок из секретариата Фронта. Пришлось ждать посыльного, который привез «корочки» советника Штаба ОФ. Пустая формальность обрадовала, поскольку ветеран надеялся, что более официальное прикрытие не потребуется. Хотелось быстро разрулить ситуацию, хотя интуиция возражала против излишнего оптимизма – каждый раз запуская червячка в придумываемые объяснения интереса ЦРУ к земляку Ленина.

В Ульяновске доводилось бывать в 90-е: единожды за день Як-40 летал в Москву и обратно, а в пустом аэропорту торговали мебелью и коврами. Теперь рейсов семь, четыре марки самолетов. Выйдя на привокзальную площадь, оказался в окружении «бомбил». Особо витийствовал кавказец с самодельным бэджиком «Диспетчер». Проигнорировав адептов навязчивого сервиса, выбрал спокойного парня, стоявшего в сторонке возле ослепительно желтого «патриота».

– Вам куда? – совсем не удивился тот.

– Как кличут?

– Рудольф, – слегка смутился уроженец чувашской деревни, чьи родители выбрали для сына сколь красивое, столь и чуждое имя.

– Покажи права, – Алехин сфотографировал документ мобильником и отправил Оперу с пометкой «Проверить». – Меня называй попросту: Босс.

– Так куда ехать-то?

– Покатай по центру, расскажи о себе и выбери тихую, дорогую гостиницу.

Город переменялся к лучшему: стал чище, появились новые здания, не пугающие архитектурой. Люди одеты неплохо, женщины, особенно молодые волжанки, ласкали наметанный глаз шпиона. Бабником не был – не та работа, а погладить взглядом привлекательные выпуклости и округлости приятно. Шофер заметил эту подробность и, только в самом конце, что его положительно характеризовало, рискнул.

– Есть пара заведений, где встречаются симпатичные девушки, – увидев прищур пассажира, попытался спасти ситуацию. – Не в том плане, что вы подумали...

– Планы составляю я. Назавтра ты в них вписываешься. В 08.00 жди у входа, – Матвей вручил столларовую купюру – пикап и пилот ему приглянулись. – Работа минимум на день.

Портье привычно оценил гостя: неброская и дорогая одежда в стиле *smart casual*, дорожная сумка из буйволиной кожи.

– Вам люкс, господин Алехин? Вы заказывали?

– Да. Нет.

– Надолго к нам?

– Два-три дня, а там как пойдет.

– Оплата наличными или картой?

Матвей достал бумажник – пользуясь старой фамилией, следовало расплачиваться кэшем.

Мотель разонравился Дрику быстро: номер – комната с выходом на парковку, общий бассейн – то пустой, то заполненный детьми, жарка – стекляшка через дорогу. Раздражала постоянная смена гостей. Мелькают перед глазами и не запоминаются. Вчера бабища появилась, с жопой в три охвата. Провинциалка, жрет фастфуд с утра до вечера, а то и в ночи. Для общительного русского отсутствие возможности с кем-то поговорить – кроме здешнего «*Hi*» и «*Just fine*» – мучительно. К тому же проверка тянется бесконечно: фэбээровцы нынче опять приедут – каждый раз у них появляются дополнительные вопросы. «Затражали! Не на пост же президента США баллотируюсь». Попасть в Ливермор стремился тем сильнее, чем дольше длилось томительное одиночество бессмысленных каникул. Хорошо еще есть *beach life* и серфинг. Хотя первой насладиться в полной мере мешало слабое знание языка, посему удалось одну-единственную *bitch* затащить в койку. Но и сучка ни стонов эротичных, ни симуляции оргазма достоверной не смогла предложить. Остальные, требовательные такие, желали *small talk* и прочих атрибутов кадрежа на американский манер.

Раздражение копилось с завтрака и исчезло, когда Николай добрался до пляжа. Новенькая доска подмышкой, бриз ворошит темные кудри, волны катят и катят. Волшебное утро. И магия материализовалась, когда, укатавшись, вылез из воды и отряхивал волосы, по-собачьи мотая головой. Вдали появилась мечта, одинокая, без мужа.

– Чудная погода! – пророкотал коронным басом.

– Действительно, – согласилась девушка, рефлекторно положив руки на чашу живота.

– Я – Николай Дрик, если помните.

– Ксения.

– Вот, отплавал обычные два часа, а тут вы идите.

– Вы – крутой спортсмен, – вежливо прокомментировала девушка.

– С детства. У нас в Ульяновске переплывал Волгу. Не верите? – парень снял с руки стальной «ролекс» и протянул девушке.

– «Коле от отца за первое место по плаванию», – механически прочла та. – Надо же.

– Кстати, рад вас видеть, а то кругом тупые америкосы. Прогуляемся?

– Нет-нет. Мне пора домой, – заторопилась Алехина.

– Позвольте провожу, – не ослаблял натиск незванный ухажер, визуально лапая стройные ноги с просветом чуть ниже лобка, налитую грудь и возбуждающе забавную походку женщины со смещающимся вперед центром тяжести.

Ксюша не нашлась, что возразить, и уже через сотню-другую шагов решительно свернула к деревянной лестнице, круто поднимающейся к домам на склоне. Табличка у первых ступенек предупреждала *Private property. Only for tenants*¹⁴.

– Мне сюда. До свидания.

– А можно *селфи* с вами сделаю? – Дрик вытащил с кармана гидрокостюма новый *гаджет* – герметичный мобильник. – Произносим: *cheese*. Отличная фотка. Вам на какой номер прислать?

– Я замужем, извините. Хорошего дня.

– До скорого. Еще увидимся. Физиком в Ливерморской лаборатории буду работать. Тут близко.

Уже в мотеле, зайдя в душевую кабину, Николай долго и с сопением мастурбировал, поглядывая на дисплей, омываемый струйками воды. После эякуляции не мог отдышаться, пока последние капли спермы не исчезли в стоке. Вышел к бассейну и, лежа в шезлонге, смаковал подробности «свидания» – *date*, по-здешнему – первого и, как надеялся, не последнего. «Подарок что ли ей сделать? Русские девки падки на материальные знаки внимания».

Американские соседи в пригороде – это не городские эгоисты. Широко улыбаются, набираются в друзья. Абрахамсены, что через заборчик, – ребята симпатичные, сразу с пирогом приперлись: «Добро пожаловать!» Приветливые и стараются помочь: Ксюша в первую, неудачную, беременность не раз пользовалась услугами Нэнси. Ну, там в супермаркет и вообще – здешних водительских прав еще не завела. А без тачки тут никуда – общественный транспорт отсутствует. И теперь стройная американка вышла на террасу, чтобы помахать рукой. Шортики в обlipку, маечка открывает пупок и татуированные крылышки над упругими ягодицами.

– *Coffee, dear?* – и тут же расширила ассортимент гостеприимства. – *Ice tea?*

– *Awesome*¹⁵!

Дальше по схеме: семья, шоппинг, скидки, погода. Лишь в конце соседка вырулила на действительно интересующий её вопрос.

– Что за крепкая задница проводил тебя до лестницы? В черном гидрокостюме? Под шесть футов ростом?

– Так, на пляже пристал.

– А селфи?

– Чтобы отстал. Липкий тип.

– *Xenia*, будь осторожнее – на берегу ошиваются психи, маньяки, грабители. По ТВ показывают жуткие истории. Мой Мартин, ты же знаешь, адвокаты в курсе, меня каждый день инструктирует. Тут Калифорния, детка.

– Да, ладно, просто парню, видно, перепихнуться не с кем. К тому же он из России.

– Русская мафия, – впечатленная голливудскими штампами Нэнси забыла, с кем чешет языком, – самая жестокая и склонная к насилию: сперва стреляет, потом говорит. Я бы на твоём месте рассказала *Stephan*.

---

¹⁴ Частная собственность. Только для жителей (амер. англ.).

¹⁵ Замечательно (амер. англ.).

Ксюша ничего не поведала мужу, зная его ревнивый характер. «Не дай бог, свернет Колян у башку», – не без удовольствия размышляла, вспомнив, как давно в Москве Степа ударом ноги отправил в полет наглеца, пристававшего к ней.

Rugball урчал и терся боком о ногу.

– Хорошее настроение? – Макалистер опустил руку погладить спину и хвост, торчавший трубой. – Спарился с соседской кошкой или сожрал пойманную птицу?

Кот продолжал мурлыкать, субвокализируя победную песню. Перед рассветом вышел прогуляться вдоль дороги и загрыз самца, случайно забредшего в его владения. Жаль человеческим языком не владел, а то бы поведал хозяину про битву: сладка кровь врага, тонка его шкура, коротки когти и весил тот в два раза меньше.

Джек мечтал об ином. Представлялось, как русские спецслужбы разыграют сданные им карты и изведут его недруга из Управления планирования разведопераций ЦРУ. Как тот попытается – понятно, безуспешно – оправдаться, как окажется замазан и покровитель жертвы – директор национальной разведки. «Они испортили мне карьеру, так пусть теперь попробуют отмыться». Подскочило артериальное давление, потребовалось успокоиться. «Это теперь забота товарища Грига, – решительно вернул мысли на приятную стезю, – а мне следует закончить проект прокладки колеи вокруг сада». Настоящие железные дороги в США когда-то строили дешевые работяги из Китая: два мертвых китайца на каждую милю. В Коста-Рике придется пригласить местных строителей, те намного дороже обойдутся. «Как бы *их Rugball* не задрал со скуки». «Тряпичный мячик», словно подслушав, запасливо вострил когти об эбеновое дерево – самое твердое в здешних краях.

«Форд эксплорер» резво бежал по шоссе 405. К западу от него, вдоль побережья обосновались ведущие компании и сотни более мелких фирм, связанных с интернетом. Оба агента ФБР ежедневно сталкивались с их персоналом, поскольку обеспечивали нацбезопасность в Силикон Бич – сердце цифровой Америки. Нравы и замашки компьютерщиков им известны от и до. Не являлась для них энигмой и «загадочная русская душа», ибо россиян, в первую очередь программистов, здесь осело порядочно.

– Какой-то Дрик мутный, – в очередной раз пожаловался младший, крутивший баранку. – Вроде вежливый, толковый, а по-нашему балакать отчего-то не научился.

– Или скрывает знание языка, – отреагировал старший. – Хорошо, еще переводчица подтянется, а то бы мычали и мяукали с «иваном».

– Склонность к сексуальным извращениям напрягает. По регламенту его в штат Ливермора брать не полагается, тем более в особую экспериментальную зону. Хватит и скандала с тем австрийцем, что обожал подсаживать в автобус толстушек? Просто за попы щупал, а получил «двушку» условно.

– Не, Дрик же не полный идиот. К тому же среди физиков вообще нет нормальных людей. Помнишь бородатого чудака с *IQ 160*?

– Из Пасадены?

– Да, которого загрызла его питбулиха, когда он её попытался изнасиловать. Приватное видео зоофила всем отделом смотрели.

– Экстрим и изврат нежелательны, конечно. Может, отсеем «ивана» на всякий случай? Если строго руководствоваться инструкцией...

– Начальник открытым текстом сказал, что чувак нужен Лаборатории, хотя бы на время. Логичнее его попозже слить. Опять же, слив надо обосновать, а чем? Его еще психиатр и сексопатолог не осматривали. Лучше пока потянуть, заново опросить раза два, дожидаться, что врачи скажут. Да и процесс выдачи ему *green card* займет месяцы, успеем его нутро выяснить.

– Полностью поддерживаю, – младший завернул на парковку мотеля, целясь на место рядом со знакомой красной «маздой». – Смотри-ка, переводяра уже здесь.

– Отлично, пойдём «ивана» тянуть за яйца, – старший поправил галстук, прилагаемый к служебному костюму. – Наверное, у бассейна плячется на баб.

Коля глядел на старую еврейку, говорившую с акцентом и без идиом русского новояза. «Бабища противная, – невольно персонифицировал свое раздражение настойчивостью агентов, – на хаяву хочет выведать всё о „шарашке“, а меня выбросить в помойку. Ни хрена у ФБР не выйдет. Возьмут на многолетний контракт в Ливермор, тогда поделюсь секретами».

– Никаких записей с собой не привез, повторяю в который раз, – внешне вежливо, но настойчиво гнул прежнюю линию. – Я же в Копенгаген приехал как турист, просто осмотреться насчет Копенгагенского университета. А там случилась неприятность, ну, вы знаете, о чем идет речь.

– В Ульяновске у вас сохранились записи? Возможно, вам стоит съездить и забрать сюда?

– В доме отца есть сейф, в котором хранится моя тетрадь. Туда мне опасно: мой руководитель меня разыскивал, наверняка, уже и в ФСБ сообщил о моем исчезновении. Вы не волнуйтесь, – Николай постучал по голове, – нужные вещи здесь, на память не жалуюсь.

– А вы могли бы изложить письменно... – завел знакомую песню младший агент.

– Мог бы, но не стану, – отрезал русский, столь нагло глядя прямо в глаза фэбээровцу, что перевод стал излишен. «Хитрожопый», – старший глазами послал ментальный сигнал младшему. Беседа пошла по кругу: адрес в Ульяновске, ФИО и должность отца, характеристики коллег по НИИ.

Глава 6

Грант

Пикап выделялся на гостиничной стоянке словно желток на серой сковородке. Матвей удовлетворенно хмыкнул и отошел от окна номера. Выспался отлично, легкий завтрак, чистка зубов, короткий визит на горшок. Поправил свежесвязанный узел галстука, разгладил несуществующие морщинки на костюме *Corneliani*. В зеркало смотрел обычный мужчина лет под шестьдесят, сухощавый, подтянутый. Лицо маловыразительное, седые волны еще густых длинных волос, строгие глаза отливают сталью. Обычный аппаратчик, правда, одет слишком элегантно. Знаток сказал бы, с итальянским шиком, скрытым, неброским. Вот он снял несуществующую пылинку с плеча, губы тронула улыбка, блеснули ровные зубы, раздался переливчатый смех. И сразу возраст уменьшился, рост увеличился, а обаяние наполнило тело внутренней тайной. Шпион подобных откровений обычно не позволял, обманывая окружающих, а порой и себя. Многолетняя привычка скрывать своё «Я» стала даже пугать жену. Только здесь, в глубинке, незачем прятаться в чужую личину. Сегодня предстояла не серьезная оперативная работа, а любительский спектакль под названием «Ревизор».

– Доброе утро! – Рудольф приветствовал, опираясь задом на совершенно чистый, несмотря на весеннюю грязь, капот. Тут же заметил промашку и споро – любезно, а не подострастно – распахнул дверцу. – Извините, Босс. Куда?

– В НИИ реакторов. Сколько займет?

– Через Волгу ехать, час займет, не меньше. Радио включить?

– Нет. Рассказывай.

– Что?

– Про город, про народ.

– Сейчас тут тема актуальная: вернуть или нет городу старое название Симбирск. Одни волнуются: а как же Ленин? Мол, самое здесь важное и интересное – родина вождя социалистической революции. Другие отвечают: а ничего, что здесь же родился лидер революции буржуазной?

– Который?

– Керенский Александр Федорович.

– Не слышал, – удивился историческому курьезу москвич.

– Сашин отец служил директором гимназии, в которой учился Володя Ульянов, и поставил ему единственную «четверку» в золотой аттестат.

– По какому же предмету?

– По логике. При том, что Володин отец являлся начальником Керенского-старшего, так как служил директором всех симбирских училищ.

Ветеран задумался о привередливости Истории, одномоментно выпустившей из заштатного городка двух могильщиков Российской империи, а затем почти век ставившей во главе страны исключительно провинциалов, обычно не российского розлива. Зато теперь президентов поставляет столица, пусть и Северная, хотя её частенько именуют культурной.

Массивные корпуса и градирни показались за четверть часа до того, как машина достигла ворот внешнего периметра, чья техническая оснащенность и физическая охрана произвели благоприятное впечатление на Алехина. «Даже группе спецназа проникнуть крайне сложно, а без шума и потерь – почти невозможно». Рудольф, заметив быстрые взгляды пассажира, утвердился во мнении: «Серьезный человек, на военного не похож, но жесткий». Вслух водитель ничего не сказал, конечно, особенно после того, как Босс приказал старшему караула: «Капитан, доставь к начальнику охраны. Я из Москвы, по государственному делу». Офицер скепти-

чески глянул на такси, повертел в руках удостоверение визитера и взял под козырек: «Придется пересесть в нашу машину – посторонние авто не пускаем». Когда через полчаса Рудольф обратился к офицеру насчет возможности посетить туалет, реакция последовала незамысловатая и исчерпывающая: «На колесо поссышь!»

– У нас режимный объект. Здесь проводятся исследования и инженерно-конструкторские работы в интересах обороны и энергетики, – Безопасник привычно размазывал кашу по столу, – гадая, что за гость объявился. – К сожалению, более подробно...

– Вам звонили?

– Да, от товарища Чудова из Общенародного фронта. Однако не понимаю, конкретную цель приезда.

– Она не связана с вашими функциями. Секреты не интересуют, мне поручено ознакомиться со здешней теоретической наукой. Хочу посетить коллективы, занимающиеся чистой теорией.

– Тогда вам в 18-й блок, – повеселел начальник, – туда доступ проще. Только обязан доложить в директорскую.

– Само собой, действуйте в соответствии с регламентом.

Как и предполагал «ревизор», уже на полпути к старому корпусу его догнал важный руководитель, правда, не мужчина, а женщина в незастёгнутой норковой шубе и с развивающейся пашминой. В кильватере двигались две рыбешки помельче.

– Ануш Дадашьян, – запыхавшись представилась, – замдиректора по административно-хозяйственной деятельности. Шеф в отпуске, по болезни, надолго.

– Я в курсе. Администрация Президента поручила Общенародному фронту проверить, как расходуются гигантские бюджетные средства, выделяемые на науку. Мол, есть ли практический потенциал у теоретических изысканий. Скажу откровенно, обычно от них никакой отдачи.

– У нас полный порядок с финансами, – слишком быстро отреагировала чиновница и умолкла, видимо, спохватившись.

– Есть сигналы, – Матвей закатил глаза, надул щеки и ускорил шаг, отрываясь от рыб-прилипал.

– Имеется свежее заключение аудиторов Счетной палаты, – АХД хваталась за соломинку.

– Бумажки потом, – донеслось от удаляющегося москвича. – Сначала надо с коллективом пообщаться. Отделить, так сказать, зерна от плевел.

В голову заместителя по АХД моментально пришла кандидатура на заклятие – жулинская «шарашка». «Она как бельмо на глазу», – пугали фээсбэшники после невозвращения из-за границы Дрика. «Говнюк! В отпуск на неделю в Европу улетел, а там просто исчез, – возмущалась замдир. – Может, утонул?» Последняя версия являлась утешительной и неправдоподобной. Молодые физики, конечно, иногда тонут, но мастера спорта по плаванию на открытой воде – не так часто, как хотелось бы. Отпрыск вице-губернатора мог себе позволить отдых за рубежом, не стесняясь перед коллегами. Заурядный сотрудник, только очень себе на уме. Теперь свалил с экспериментальными данными, и больше о нем никто не слышал. Даже ФСБ. Правда, папаша ничуть не волнуется: «Сын в порядке, просто устал от институтской безнадеги. А вы бы хоть из благодарности помалкивали: забыли, что я грант для группы Жулина выхлопотал?»

Почти в каждой, если считать консервативно, лаборатории РФ обязательно наличествует ас по изготовлению «клюковки». Возможно, не дают покоя лавры великого Менделеева, нашедшего идеальное сочетание спирта и воды, ставшее классической русской водкой. Более вероятно, высокие – для ученых мужей – цены в магазинах толкают на создание собственных брен-

дов *aqua vitae*¹⁶. Потрясающий успех достигнут в Черноголовке – научном центре АН СССР, где в постсоветский период расцвело алкогольное производство. Ульяновск не столь преуспел, хотя Валера, в силу таланта, вполне компетентно смешал нужные ингредиенты.

– Шеф, – Математик заморожено рассматривал на свет колбу, извлеченную из холодильника, – по-моему, зачет. Цвет – омарово-красный, запах – брусника, градус – 43.

– Разливай, не тяни, – коллектив из пяти младших и просто научных сотрудников, испытывал то томление в горле и груди, что зовется предвкушением выпивки.

Жулин с горечью взирал на питомцев, не зная какие слова сейчас слетят с его губ. Собственный теоретический прорыв и работа Валерия открывали ошеломляющую перспективу на будущее – есть, что праздновать. Отсутствие финансирования закрывало перспективу на завтра – есть, что оплакивать. Взял химическую пробирку – 14 × 120 мм – и решился.

– Коллеги, мы сделали первый шаг! Человечество совершило шажище! Пространственно-временной континуум... – оратор недоуменно уставился на вошедшего. – Вы кто?

– Емкость 15 мл? Или ошибаюсь? – гость приглядывался к «рюмочке», игнорируя собравшихся.

Наступила тишина, которую следовало бы считать мертвой, не выпави пробирка из рук завлаба. Закаленное стекло не разбилось, но крохотная лужица коротко заалела на бетонном полу, затем быстро став такой же грязно серой. Разведчик уловил запах ректификата и брусники. Появившаяся через минуту АХД ничего не учуяла: в апексе её носа насчитывалось на миллион-другой меньше клеток-рецепторов, да и пила она часто, хоть и понемногу. Зато зрение имела зоркое.

– Опять разврат и вакханалия! – понесла с ходу, узрев спиртное. – Вас предупреждали, Жулин! Доигрались! Сначала Дрик сбежал за границу, теперь пьянка! Что скажет товарищ из Москвы?

«Товарищ» мог бы сказать: «вышел в цвет», то есть заглянул по нужному адресу. Вместо слов взял начальницу за локоток и проводил до двери, выставляя с места происхождения: «Сам разберусь. Подождите меня в дирекции».

– Что отмечает цвет отечественной науки? – впервые взглянул в очи завлаба, пока нейтрально, с едва заметным намеком на доброжелательность.

– Достигнуты положительные результаты, – залепетал дезориентированный Жулин, у которого беспричинно затеплилась надежда. – «Клюковки» всего-то двести граммов на шестерых.

– Семерых. Раз успех, то и мне налейте.

– Валера! – легкий румянец сам собой проявился на щеках доктора наук, ранее побледневших до покойницкой белизны. – Заснул?

В закутке, отгороженном сеткой и шкафами, располагался «кабинет». Выбрав наименее негигиеничный стул, Матвей величаво развалился, как и подобало московскому проверяющему. Довольно долго визуально изучал Жулина – худого, жилистого, с ярко выраженными мышцами лица. Волосы практически под нулевку (дешевле!) не скрывали высокий лоб и крупноватые голубые глаза. Прямой нос с маловыраженной горбинкой, заметный кадык и несколько крупных рытвин от прыщей (несбалансированное питание в юные годы?). Ничего впечатляющего – русский русский, а его люди на него оглядываются, словно ждут откровения в последней инстанции.

– Здесь коллектив целиком?

– Один МНС отсутствует, – Арсений теребил пуговицу не слишком чистого халата, как ученик, не догадывающийся, накажут его или помилуют.

---

¹⁶ Живая вода (лат.).

- Причина?
- Уехал за границу и пропал, – почти беззвучно пролепетали внезапно пересохшие губы. – Николай Дрик.
- Год рождения? ФИО?
- 1990. Николай Дрик.

Алехин отправил сообщение Оперу и продолжил беседу, очень схожую с допросом. Через несколько минут смартфон пискнул: «Полтора месяца назад вылетел в Данию, обратным билетом не воспользовался, позже купил билет Копенгаген-Майами в один конец. Областное УФСБ в курсе. Уголовное дело не возбуждалось». Шпионы – тоже люди, и им также иногда везет. Только в оперативных делах удача улыбается единицам. Ветеран – из счастливых – даже не удивился. Последнее время некая сила давала подсказки и намеки, будто вела по еще непонятному маршруту, который неизвестным образом заложен в невидимый навигатор. Логика не ясна, причинно-следственные связи не просматриваются, но они существуют. Последние сомнения отпали сей секунд.

- Вам в полиции бывать доводилось?
- Нет, а что?
- У ментов есть коронная фраза: «С этого места поподробнее». От себя добавлю: «Пожалуйста». Ничего не бойтесь, просто расскажите правду, только без изъятий.
- Неглупый парень, хотя звезд с неба не хватал, пришел в лабораторию по протекции отца – тогда вице-губернатора. Кстати, принес грант – «приданное» от папаша.
- Его вклад в ваши исследования велик?
- Не сказал бы. Мелочи прикладного характера.
- Кто «звезда» в коллективе?
- Валерий, несомненно. Математический мотор проекта. Почти гений. Остальные сотрудники на подхвате.
- А вы лично? Отбросив скромность?
- Генерирую физические идеи. Нетрадиционные, прорывные. Мы стоим на пороге... – ученый умолк, остановленный жестом собеседника.
- О субстативной составляющей поговорим обстоятельно и позже. Почему исчез Дрик?
- Быть может, ищет лучшей жизни, надеется устроиться в западной научной среде.
- Кому он там нужен? Вы же сказали посредственность?
- Не то, чтобы столь уничижительно... Скорее неглупый человек, небесполезный. Хотя с завышенной самооценкой и излишними амбициями.
- Как много беглец знает о проекте?
- Немного об идеологии, порядочно о технических наработках.
- То есть западные коллеги с его помощью способны повторить ваши исследования? – внутренне напрягся Матвей.
- Сейчас – вряд ли. Со временем – возможно: там есть толковые математики и суперкомпьютерами они лучше обеспечены. Но, – хитрая усмешка тронула уста Жулина, – там нет Валерки и меня. На днях мы вдвоем нашли, наконец, верный путь, о котором Дрику ничего неизвестно.

– Путь к чему? – Алехин расслабился, услышав о серьезной дыре в информированности невооруженца.

– Только не смейтесь: путь к перемещению во времени! – даже внешне ученый вдруг преобразился, став больше и значительней своей физической величины.

Московский гость никак не отреагировал. Жулин ожидал смеха, издевки, отрицания, интереса. А тут пустое лицо, пепельные глаза с черными точками зрачком. Полное отсутствие мимики, неподвижное тело и молчание, как у удава переваривающего кролика. Не первого и не последнего в жизни. Хотя нынешний имел космический масштаб. Если бы посетитель

был туп или необразован, еще можно понять. Но спокойно молчащий человек бесспорно знал мир и людей. Такой не отвратит очи от божественного лика Вселенной. Арсению стало не по себе, словно на обшарпанном стуле перед ним существо, уже миновавшее стадию *homo sapiens*. Хотелось проверить, спросить, убедиться. Смелости не хватило.

– Оттого сегодня и празднуем, – вымолвил в итоге.

– Расчеты подтверждены независимыми экспериментами? Есть реальные результаты? – заторопился ветеран, обычно не задающий больше одного вопроса за раз.

– Нет. Пока всё держим в секрете. На эксперимент нужно много энергии, у нас же деньги давно кончились. Зарплату и ту выдать нечем.

– Если финансовые ограничения будут сняты, сможете показать мне что-либо, подтверждающее ваше пока голословное утверждение?

– Очень вероятно, сможем. Только прорыв уже состоялся: математику не обманешь.

– Бертран Рассел считал, что «из дома реальности легко забрести в лес математики, но лишь немногие способны вернуться обратно». Мне бы нечто осязаемое.

– Для физической демонстрации нужны мегаватты и миллионы.

– Долларов?

– Рублей, два-три для начала.

– Не проблема. Но, если меня намерено вводить в заблуждение, я вас строго накажу. Договорились?

– Да. А вы кто? – собрался с духом завлаб и повторил изначальный вопрос.

– Послужной список длинный. Недавно моим работодателем являлся *Иблис* – восточный побратим большущего негодяя, по-русски обычно называемого дьяволом. Не сработались: пришлось рогатого уволить без выходного пособия. Сейчас тружусь в Общенародном фронте. Куда пошлют там и работаю. Сейчас вот на науку бросили: бороться с ретроgrадами и двигать прогрессивную молодежь. Вам нужен сподвижник?

– Очень.

– Тогда идите, надо обнадежить коллектив, только сдержанно, без обещаний лимузинов и бриллиантов. Я к вам часиков в восемь домой зайду. Вот деньги: купите выпивку и закуску. Ваша жена шампанское пьет?

– Пьет, – обескуражено пробормотал ульяновец, автоматически принимая купюры.

– Найдите для неё *Moet & Chandon Rose Imperial*. Дайте бумагу, запишу название.

– Запишите и мой адрес.

– Обижаете, Арсений Ильич!

В коридоре, как истребитель, барражировала АХД – взад и вперед, сложив руки за спиной. Обеспокоенная и обиженная дерзкими действиями ревизора. После совместного обхода еще трех лабораторий её артериальное давление пришло в привычную норму, а настроение приподнялось.

– Как с транспортом? Где разместились? Вечером в ресторан не желаете?

– Желаю, только не сегодня – утомили высоколобые умники.

– Они могут. Каждый мнит себя Ландау или Алферовым.

– Алферов актуален, знаю, его в ОФ приглашали. Причем тут Ландау?

– Тоже физик.

Упиваясь фразой «тоже физик» про мирового гения и лауреата бесчисленных премий, включая Нобелевку, Алехин вышел из НИИ. Возле желтого «патриота» с неоднократно обосланными колесами, набрал номер Чудова: «Жулин Арсений Ильич. Полная объективка и данные на его последнего научного руководителя. К 20.00».

– Москвич под институтские финансы роет, – Ануш внушала Безопаснику. – Вдруг какое дерьмо всплывет? Одна приватизация приозерной территории на срок тянет. Надо бы «прослушку» на его мобильник поставить. Ты в УФСБ договорись.

- Сделаю, только вдруг от чекистов протечет? Ревизор смахивает на спецслужбиста, по крайней мере бывшего. Для надежности надо бы и вам переговорить с «Бобром».
- Опять с бандитами терки?
- Куда без них.

Глава 7

Ассоциация

«И зачем строят гаражи в Штатах? – озадаченно смотрел на соседа Степан. – В Калифорнии только я и ставлю машину внутрь, остальные паркуются перед домом».

– *Hello, Martin!*

– *Hi! How are you?*

– *Just fine!* Открой тайну несведущему русскому: что американцы держат в гаражах?

– Ага, начинаешь вникать в местный стиль жизни! Барахло держат или мастерские делают. Мы с Нэнси поставили тренажеры, – американец задрал рубашку, демонстрируя кубики накаченного пресса.

– *Wow!* – уместно восхитился русский. – *See you!*

– Заходите вечером, поболтаем. А то Нэнси говорит, у Ксении есть сложности.

– Какие? – напрягся Алехин-младший.

– Извращенец клеился. До вечера.

Новость заставила на секунду замереть, но потом Степан решил не возвращаться в дом – на деловую встречу не полагалось опаздывать. Бизнес в Америке требовал полной отдачи, тем более – продвижение российских антихакерских программ. Встрял в поток на хайвее, установил круиз-контроль на 55 миль и задумался. «Мартин врать не станет. И не агент ФБР – жил рядом еще до нашего переселения сюда. Партнер в серьезной адвокатской конторе. И Нэнси – вполне уравновешенная женщина. Что же Ксюша скрыла от меня?».

Если раньше Чудов недоумевал, зачем Матвея понесло в Ульяновск, то теперь ему казалось, что картина прояснилась. Дрик – невозвращенец (бывший шпион привык пользоваться советской терминологией). Его руководитель – Жулин. Только почему Алехин рыл в данном направлении? Масштаб мелковат для товарища Грига. Пусть местное УФСБ разбиралось бы. Нет, старый лис за пустышку не ухватился бы. И сразу после Коста-Рики и доклада Президенту. Видимо, «Хоттабыч» ему напел нечто, не вошедшие в паровозик с файлами. «Ладно, подождем! – потер руки. – Хоть расклад и неясен, а навар может быть – раз Матюха сумел заинтересовать Самого». Остаться в обойме у национального Лидера вошло в привычку. Чудов, после перехода из разведки в ОФ, неизменно пользовался у Лидера доверием. Не хотел терять очки даже сейчас, когда ситуация в стране и вокруг нее заметно ухудшилась, а №1 стремительно терял рейтинг. Пассивность в украинском вопросе оказалась роковой. Соответственно и у ОФ авторитет припал. Сложно руководить организацией, сползающей по наклонной. Хотелось энергичных и конкретных действий, вместе с боевым другом. Выглянул в приемную, поманил Опера.

– Убываешь на родину Ленина.

– Задача? Помогать Матвей Александровичу?

– Нет, его врагам! – не сдержал сарказма начальник. – Осмотрись в городе, залегендируй пребывание, приглядишься к людям, которыми интересуется Алехин. Осторожно, без настырности. Контакт с ним только с моей санкции или в случае ЧП.

– А если он меня вычислит?

– Тогда контакт по его инициативе.

– Оружие брать?

– Ты же без него в сортир не ходишь!

– Тогда лучше на машине поеду, а то из-за проверок на вокзале или в аэропорту может произойти утечка это ж провинция, звон пойдет: объявился москвич с пушкой и опергадже-тами.

– И то верно.
– Еще бы из Центра получить «добро» на поездку.
– Нет нужды, продолжаем мероприятия по «Хоттабычу». Директор в общих чертах проинформирован товарищем Григом, – слегка искажил реальность бывший заместитель директора СВР.

2-й Робеспьера пер. не огорчил. Скользко на обледенелом тротуаре, колеи на проезжей части, но весенний воздух! Волжский или свияжский, сегодня без индустриальной вони, с едва ощутимым запахом «частного сектора». «Кто-то печку топит дровами, – апекс Алехина дал носу команду пошевелиться, – березовыми». Из-под забора избы с заколоченными окнами выскочила малюсенькая дворняжка, захлебнувшись твяканьем. Виновато умолкла, увидев спокойного пешехода. Тот рта не открывал, рук не тянул, в глаза не смотрел и не останавливался – правильный человек. Подошла, виляя пушистым щенячьим хвостом. «Здравствуй, девочка! – негромко промолвил гость. – Вкусного у меня нет с собой. Назад пойду, захвачу». Матвей так и не завел собаку после недавней гибели прежних любимцев – смена ФИО предполагала и смену привычек.

Дом старый, деревянный, чуть просевший по центру. Из прежней красоты уцелела верхняя часть водосточной трубы, резная в едином стиле с наличниками, вернее, с их остатками. Капли от дождя и талого снега, несомненно, летели из нее прямо на фундамент, обшитый прогнившими досками. «Сеня – хозяин никудышный, а физик?». Постоял: тишина, в ступающей темноте ни движения. Звук мотора – желтый пикап. «Босс, ничего подозрительного», – доложил Рудольф, обследовавший район радиусом в два квартала. Поручение москвича – «постоять на атаке» – ему понравилось. Объяснение – «некоторые тут не рады моему приезду» – тоже. «Не отвечивай возле дома, проедешь мимо через два часа, потом еще через час – пока не выйду».

Рабочий день окончился, гражданские и аттестованные сотрудники сотнями покидали загородный Центр. Штаб-квартира лишь обезлюдела, не опустела: корпят в кабинетах начальники и дежурные, работают узлы связи и техразведки. Закрытый директорский блок и не помышляет об отдыхе. Беззвучно замигал светодиод на аппарате оперсвязи.

– Вы приказали докладывать о необычных действиях группы товарища Чудова.
– Докладывайте, – директор снял гибкие очки в титановой оправе, помассировал переносицу.
– Прикомандированный к нему Опер без объяснений отбыл из Москвы. Забрал «шкоду» из нашего гаража и комплект спецтехники. Вооружен.
– Откуда сведения?
– Контроль закрытого сегмента мобильно-спутниковой связи показывает его быстрое движение на восток от Москвы.
– Что у нас в той стороне?
– Аналогичный смартфон несколько раз звонил из Ульяновска на номера Чудова. Имел место и обмен файлами.
– Точнее!
– Без вашей санкции шифровальщики не имеют права декодировать обмен оперативной информацией в сети. Прикажете декодировать?
– Что значит «аналогичный смартфон»?
– Дополнительный аппарат, что два месяца назад Чудов забрал для нужд операции «Хоттабыч».

– О! – руководитель ведомства сделал паузу. – Дешифровку категорически запрещаю. Отслеживайте местоположение аппаратов и активность в сети. Сводку каждое утро ко мне на стол.

– Есть, – помощник сообразил, что появляется свежий повод для головной боли.

Директор завел дужки очков за ушные раковины и застыл в нерешительности: позвонить бывшему заму или связаться с товарищем Григом? Счел: рано. Неизвестного им туза следовало придержать в запасе. Надел очки: шельмецы опять мутят воду. Интересно: согласуют они свои шаги и не связаны ли те с целями дезинформации ЦРУ? Над данным планом главный шпион и трудился в вечерние часы относительного затишья. Для мощного удара не помешает помощь двух маститых разведчиков.

Мальчишка уже потерял пару молочных зубов и забавно картавил. «Шестой год, а мелкий, словно воробей» – улыбнулся Алехин, протягивая набор «Лего». Когда-то проработал несколько лет в Дании и осознал, что пластмассовый конструктор – лучший пацанский подарок.

– Смотри, дружок, – погладил по неровно стриженному машинкой (мать или отец?) затылку, – корпус корабля сам соберешь, а надстройку – вместе с папой.

– Классно! – бедновато одетый ребенок зачаровано взирал на «деда Мороза», явившегося в марте.

– Максим, что надо сказать? – порозовевшая от редкого и волнительного события молодая женщина сегодня выглядела необычно красивой и гордой – московский гость с дарами, стол накрыт по первому разряду.

– Спасибо, дядя! – малыш спешил отмазаться, чтобы укрыться в уголке с подарком.

– Какой в Ульяновске воздух! – вступительное слово разведчик сопроводил снятием теплой куртки, шелковистой, без названия бренда и от того дорогой.

– Когда ветер с Волги, то да, а когда со стороны Заводского района, то дышать нечем, – поддержала разговор хозяйка и не удержалась. – Вам в Анапе бывать доводилось?

– Нет, – поспешил поддержать тему ветеран, почерпнувший из справки от Опера, что Жулина родилась и выросла в Краснодарском крае.

– Вот где воздух! Морской, пьянящий! У меня там родители, мы с маленьким Петюней у них одно лето провели – у него астма, врачи рекомендовали. Теперь туда не доедешь – дорого. Дед так и помер, не повидав выросшего внука, а бабушка звонит, плачет. Эх!

Затуманившийся взор Ирины послал сигнал гостю: натура впечатлительная, многое может поведать, особенно после нескольких бокалов. Алехин застольную беседу не форсировал, привычно завоевывая расположение старших хозяев – младшего сразил с порога. Мужчины выпили полбутылки водки. Матвей вообще пил мало и редко, а водку – плохой патриот – и вовсе не одобрял. Арсению уже хватило, он немного осоловел от избытка мяса, рыбы и спиртного. *Moet amp; Chandon* за час привел хозяйку в нужное состояние: легкая ажитация и говорливость. Когда та неожиданно решила выйти на улицу проветриться, Алехин пожелал присоединиться. Жена строго приказала мужу убирать со стола «лишнее». Возражений не последовало.

– Ирочка, – шпион включил шарм, вежливо придерживая женщину под руку, когда, накинув теплую одежду, вышли на крыльцо. – Вам повезло в браке: сын – чудо, муж – гений.

– Да, Сеня – талант! – гордо подтвердила она, не слишком четко жестикулируя руками. – И что? Живем тяжело! Гений, конечно, только кому на Руси гении сдались? Вот, скажите, требуются Москве такие ученые?

– Очень нужны! Арсений Ильич занят нужным делом. Говорит, сделал открытие важное.

– Вы о перемещении частиц во времени? Ну, двигает их туда-сюда, а зарплата грошовая и ту не платят. Вот если бы деньги смог двинуть! Всё обещает...

- То есть его обещаниям нельзя верить? – москвич поднял брови.
- Насчет зарплаты нельзя, насчет науки можно. Он в Сарове работал, когда мы познакомились на курорте. Его тамошний шеф меня заверил, что Сеня получит Нобеля. Ждем-с!
- Наверняка, хотел польстить обаятельной женщине? Выпивши был?
- У Академика после первой водородной бомбы импотенция. А пить тот никогда не пил. Хотя, может, теперь начал от безденежья, как многие.

Светило физики фигурировало и в объективке от Опера. Контакты сомкнулись, побежал ток, компьютер выдал задание: Саров. Оставалось высидеть полчаса до конца ужина и времени появления пикапа. Жулин несколько раз безуспешно пытался перевести разговор в сферу науки. Гость уклонялся: «завтра». Запланированный результат уже достигнут – Матвей убедился, что семья крепкая в своей бедности и любви, что завлаб – цельная и честная личность. Хотя и честный физик способен искренне заблуждаться. Толковый разведчик права не имеет. Это наука бывает чистой, разведка – нет. Вместо гипотез – шампанское, вместо формул – кое-что похуже.

Прощавшись, вышел за калитку и непроизвольно покосился на резной водосток. Потом глаза цвета подтаявшего снега обратились к Рудольфу, ласкавшему щенка, что робко подошел к нему.

- Надо угостить Жучку, у тебя же всегда имеется еда в машине.
- Ой, не сообразил! Я мигом, Босс.

Алехин гладил и кормил чуть дрожащее существо «дворянских» кровей с тонким намеком от йорк-терьера.

- Послезавтра, возможно, поедem на запад.
- Далеко?
- Верст пятьсот.
- Надолго?
- Дня три.
- На бензин надо бы добавить, – неуверенно произнес рослый сильный водитель.
- Допрасходы, постой и прокорм за мой счет.
- Тогда хоть на Луну.
- Оденься прилично, космонавт, и паспорт не забудь.

С дороги дома выглядят одноэтажными или вообще только гараж торчит. Спускаясь уступом к воде, обретают второй, а то и третий этаж. Самые крутые могут и вовсе быть невидны при подъезде, так и свисают по склону над песчаной полосой, глядя на океан. Парковаться их обитателям приходится у верхних соседей за деньги, естественно. Лестницы ведут вниз, пронизывая жилой массив. Порой приезжие бегуны и серфингисты пытаются ими воспользоваться, несмотря на запретительные знаки. Звонок местного жителя. Бац! *Security* тут как тут. Ствол из кобуры: «Руки за голову». Вызов полиции: *trespassing*¹⁷, штраф.

Запреты многим не по нраву, в частности, Николаю, дерзнувшему проигнорировать табличку-предупреждение. В Ульяновске Дрику казалось, что будь у неба ручки, схватился бы за них и притянул небеса к земле. Здесь, а сегодня чувак из отеля напротив толкнул ему «колеса», чудилось иное.словно идет Николай неопиcуемо брутальный и сексапильный, а сзади бегут девственницы, телки, женщины и бабы, роняя слезы, вагинальные выделения и предметы одежды. Доска вписывалась в сюжет, крик женщины с гантельками в руках – нет. Прекратив качать провисающие от возраста трицепсы, американка заняла боксёрскую стойку на лестничной площадке – последней перед пляжем. Пришлось её оттереть, рвануть в прибой и грести вдаль.

---

¹⁷ Вторжение в частное владение (амер. англ.).

Вечером Нэнси не преминула поведать мужу и гостям *an American horror story*¹⁸. С аллегориями, гиперболами и открытой концовкой.

– Вдруг опять появится? Обкуренный или обколотый, как сей раз?

– Грохну его, если вновь станет тебе угрожать, – пресек панику Мартин. – У меня два пистолета и ружье с разрешениями.

– Ну, не то, чтобы он представлял прямую угрозу, – включила заднюю передачу Нэнси. – Внешность у серфингиста приятная, мышцы и попка.

– Ты полиции не вздумай подобное болтать, – посоветовал муж-адвокат. – Если угрожал моей жене, то имею право застрелить. Наоборот, надо говорить: «приставал, хотел изнасиловать». Тогда суд стопроцентно оправдает стрелявшего. Только стрелять надо в башку, чтобы сразу дуба дал. А коли только ранишь, преступник потом гражданскими исками замучает, вымогая компенсацию ущерба. Первый в голову, второй в воздух. И полиции сказать, что первый был предупредительный, а второй – в нападавшего.

Видя примолкших русских и неверно истолковав их пассивность в разговоре, решил разделить компанию по половому признаку.

– Девочки, вы тут посекретничайте о своем, о важном, а я покажу *Stephan* мои стволы.

Пока мужчины поднимались, вернее, спускались в адвокатский кабинет, Ксения попросила подробнее описать внешность постороннего с лестницы. Услышав от Нэнси детали, закручинилась: «Точно – Николай!»

Так как любят оружие в США, его, пожалуй, больше не любят нигде в цивилизованном мире. Национальная стрелковая ассоциация блюдет конституционную свободу граждан иметь ружье, револьвер или автомат. Только в Калифорнии миллион человек легально получили разрешение. А сколько плюют на закон?

– Слушай, – повертев полированную сталь в руках, американец передал «игрушку» русскому, – заведи «пушку», подумай о безопасности своего дома.

– Я – иностранец, мне нельзя.

– У тебя *green card* есть?

– Конечно.

– Тогда заяви в полицию об угрозах Ксении и получи спецразрешение. Опыта у тебя нет, поэтому купи ружье короткоствольное, автоматическое. Помповое не бери – новички обычно не до конца передергивают затвор и патрон клинит.

– Какую марку рекомендуешь?

– Мне нравится *Benelli M4 Super 90*, – адвокат вынул из шкафа-сейфа и протянул вороненый дробовик. – Только дороговат. Если чисто для самообороны, то можно в комиссионке подобрать дешевый вариант.

– Чем дробовик лучше пистолета? – несведущий в оружии задал резонный вопрос.

– Стандартный патрон, заряженный 32 граммами картечи 6 мм, идеален для поражения на дистанции от метра до десяти. Больше обычно и не требуется. Только не верь сказкам, что дробовик способен «накрыть свинцом целую комнату» и что не надо целиться. С десяти метров круг поражения составит сантиметров 20-25 – Свалит быка!

– А не мощнее будет *Magnum 357* – «револьвер, останавливающий автомобили»?

– Сказки! Заряд картечи доставит к цели в три раза больше джоулей энергии!

– Ладно, я должен подумать.

Когда компания воссоединилась, пацифист из Москвы по виду Ксении понял, что думать поздно – пора действовать.

---

¹⁸ Американскую историю ужаса (амер. англ).

Глава 8

Сеть

Математика приучила Валерия к порядку: например, одно с другим складываешь и получаешь нужный результат. У людей иные правила. Казалось бы, у лаборантки есть женские штучки, у научного сотрудника – мужские. Сложить их вместе логично. Так нет, Виола не дает Валере. Понятно, что кроме двух физических слагаемых – влагалища и пениса – есть и переменные величины – внешность, феромоны и прочая лабуда. Мужу их легко уравновесить наличием денег или хотя бы приличной тачки. Поскольку таковые у ученого отсутствовали, в уравнение требовалось ввести новые члены. Только какие? Собственный член вводить хотелось до жути, да и девушке, раз у неё есть соответствующая полость в паху, требуется её чем-то заполнять. Хотя бы эпизодически, минут на 10-15 одновременно – в правильных терминах – сингулярно.

«Просто анекдот: сингулярность в пространственно-временном континууме я научился определять теоретически, а практически по жизни ничего не выходит». Мысли переключились на сегодняшний эксперимент, в ментальном поле зрения вместо сисек и писек возникла обычная черная доска с формулами. За бессонную ночь (стояк спать не давал или наука?) на ней появилось единственное, зато кардинальное изменение. Результат теперь получался кратно лучше прежних расчетов. Виртуальная рука в нерешительности застыла над доской с кусочком мела, словно ища жертву. Цифры и знаки смотрелись неплохо, и Жулин, когда увидит, даже назовет их шедевром. Всё же Валерий интуитивно чувствовал скрытую слабинку, не изъян или ошибку, а именно слабинку. Почти полная корректность, хотя в математике «почти» не считается за истину.

Проверка документов и досмотр рюкзака на КПП внешнего периметра, повторный контроль при входе в исследовательскую зону не улучшили настроения. Так и заявился в лабораторию насупленный. Техники шустро, провода змеились и путались, струился дымок срочной пайки, гудело вспомогательное оборудование.

– Валер, – радостно крикнул коллега, – нам дали энергию для накачки лазера!

– Много?

– Самосвал и маленькую тележку. Хватит на два цикла.

– Шеф у себя?

– Да, шушукаются с тем, вчерашним.

– Что за хер с бугра?

– Шишка из столицы. Со связями – влекую выбил электричество. К нему подходит стишок про вождя:

Расколол березу на поленья

Он одним движением руки.

Мужики спросили:

– Кто ты?

– Ленин.

Тут и охренели мужики.

– Балабол, – уже с улыбкой отбрил Математик. – Пойду на заклание.

Москвич, несмотря на модную экипировку и золотой хронометр, органично смотрелся в шефском закутке. Не как металлический шкаф или покосившиеся лампы дневного света, конечно, но вписывался. Словно кот, что дремал возле калорифера, не упуская ни звука, ни

движения. По молодости Пушок выслеживал мышей, потом остепенился и перепоручил охоту Валерке, чемпиону в ловле по-аспирантски. Тот брал кусочек сыра и приклеивал скотчем внутри стеклянной банки, прямо на донышко. Потом ставил на пол горлышком же вниз, под одним его краем пристраивал на ребро крупную монету и устанавливал ловушку в состояние равновесия. Хвостатая воровка залезла внутрь банки в попытке полакомиться, нарушала неустойчивый баланс и оказывалась в прозрачной тюрьме. Человеку оставалось подсунуть лист бумаги, перевернуть банку вниз дном, и готово лакомство для Пушка. Вот, и столичный господин невозмутимо ждал фразу «Кушать подано!»

– Шеф, тут такая история... – начал Математик и в горле запершило.

– Не обращайтесь на меня внимания, Валерий, – гость успокаивающе поднял ладони с колен.

– В математике процесса есть новый элемент, Арсений Ильич.

– Черт! Мы уже установку раскоцегариваем, а ты с изменениями! – Жулин вскочил из-за стола и заметался по «кабинету».

«Бойтся, что московский „Пушок“ сожрет его», – невольно подумал математик, а вслух произнес иное. – Расход энергии при скачке будет компенсирован при возврате в исходную точку. Вот взгляните, – реальная рука быстро внесла изменения на черную доску.

– Разрази меня гром! – после нескольких секунд молчания выдохнул завлаб и бросился обнимать подчиненного. – Это – шедевр!

«Ревизор» смекнул, что мышь поймана, и предъявил права на добычу.

– Расскажите про «новый элемент».

Валерий лишь развел руками, что означало «физика – не барская наука».

– Как бы вам объяснить наглядно? – почесал затылок Жулин. – Представьте континуум как ткань на станке. Вертикальные нити – линии времени, горизонтальные – линии пространства. Если потянуть за временную нить, то есть затратить энергию, то она чуть растянется. Если её потом отпустить, то нить сожмется назад и вернет энергию. Не всю, но почти.

– Вы хотите сказать, время эластично?

– Зависит от количества энергии, направленной на его «растягивание».

– То есть, подтверждается ваше мнение о возможности перемещаться во времени?

– Только в прошлое, – встрял математик. – «Нити на станке» тянутся от нынешней точки отсчета только в уже сотканную «ткань».

– Иными словами, сегодняшний эксперимент сначала позаимствует из электросети, а потом вернет ей долг, – Завлаб спрятал узкое лицо в ладонях. – К возврату надо подготовиться, иначе тут всё разнесет. Извините, пойду дам указания.

– Присядьте, – Матвей по-хозяйски указал на табурет. – Мне тут про вас говорили...

– Что говорили? – тихо спросил Математик.

– Будто вы – гений.

– Боже упаси, гений здесь единственный – шеф. Если нас не прикроют, через пять лет люди забудут про остальных физиков, кроме него и, возможно, Эйнштейна. Я детям и внукам буду хвастать, что работал с самим Жулиным!

– Даже так! Какое прикладное применение будет иметь данное открытие?

– Я и не задумывался. Причем тут применение? Изменится само представление о Вселенной!

Шпион умело скрыл умиление парнем, который живет во Вселенной и свободен от дум о приземленном. Себе Матвей такого позволить не мог, представив шекспировский масштаб задачи:

«Распалась связь времен.

Зачем же я связать её рожден!»

Также внешне спокойно провел Матвей остаток дня в лаборатории. В ней что-то пытелo, мигало и щелкало. Дисплеи чертили диаграммы и графики, к ним склонялись головы сотрудников. Голоса затихали или переходили на ор. Первая попытка провалилась. Вторая дала яркую вспышку в дальнем углу, ограниченном клеткой Фарадея.

– Готово! – Жулин потер руки, остальные, кроме Алехина, захлопали. – Валера, доставай «клюковку».

С уже пустой пробиркой, забытой в руке, переждав, пока спадет всеобщее возбуждение, разведчик затащил Жулина и Щеглова в закуток.

– Что всё-таки произошло?

– Вам известно, что элементарные частицы иногда могут находиться в двух местах одновременно?

– Нет.

– Тогда примите на веру. Теперь мы заставили частицы попадать из «сейчас» в тот момент прошлого, когда мы их генерировали.

– Не понял.

– Представьте, что я щелкаю пальцами, а через – раз, два, три – щелкаю снова, и два щелчка сливаются.

– Частицы слились?

– Да, но не сразу. Мы забросили сегодняшнюю частицу чуть дальше в прошлое, поэтому она слилась сама с собой через миллисекунды после своего скачка. Слилась с собой в момент своего рождения в прошлом. Произошла ее аннигиляция.

– Нить времени сжалась и распрямилась?

– Точно.

– И что дальше?

– Кто ж знает? – Жулин поднял брови, удивляясь несуразности вопроса.

– Материальный объект можно переместить в прошлое?

– Вероятно, а зачем? Кому это нужно?

– Военные придумают зачем, появившись возможность, – шпион с сожалением и восторгом смотрел на исследователя-бессребреника, который даже не помышляет о своей выгоде, не мечтает впарить открытие кому-либо.

– Вы про «Бомбу»? Чепуха, теперь война станет невозможной, – убежденно потрянул головой Физик.

– Так уже считал ваш коллега, по-моему, Роберт Оппенгеймер – научный руководитель Манхэттенского проекта. Боюсь, жители Хиросимы и Нагасаки с ним категорически не согласны.

– Когда то было!

– С тех пор США в дюжине войн убили миллионов девять-десять разных там корейцев, вьетнамцев и прочих арабов, чьи «права человека» посчитали нужным, вернее выгодным, «защитить». Извините, что порчу вам настроение, но с данного момента работа лаборатории переходит в разряд государственных секретов. Все результаты теперь запрещено обсуждать вне этих стен. Вы, Арсений и Валерий, как единственные носители важнейшей информации впредь не делитесь ей ни с кем кроме меня.

– Но руководство института? – начал было математик.

– Можете сообщить, что эксперименты малоутешительны, что имел место не прорыв, а ошибка, расцененная как положительный результат. Коллектив посвящать в детали не стоит. Например, лаборантку, что не дает вам спать спокойно, Щеглов, стоит поберечь от излишних разговоров. Вы меня понимаете?

– А что случится, если... – Жулин почувствовал, что западня захлопывается.

– Виновного разберут на единицы и нули двоичного кода, а оставшуюся пыль развеет ветер.

– Но вчера Дрик чатился со мной с соцсети, спрашивал о нашем прогрессе, и я его обнадежил, – Математик закрыл лицо ладонями.

– Покажите, – разведчик резко встал, выхватывая смартфон у проболтавшегося.

С дисплея на него улыбался перебежчик, обнимавший левой рукой Ксению! Вновь опустившись на стул, Матвей ощутил, как накрыла тяжесть прожитых лет, умноженная на животный страх за невестку и за вероятность поражения в начавшейся схватке. Минуту назад окрыленный успехом команды Жулина, ветеран теперь физически ощущал, как теряет контроль над ситуацией, казавшейся столь выигрышной. Противник располагал живым носителем информации и был в курсе, пусть в самых общих чертах, перспективы исследований в Ульяновске. В телефон Дрика попал и ценный намек от Щеглова. Оставалось надеяться, что пока есть запас времени, чтобы изменить расклад сил. Надо самому тщательно спланировать, иначе события начнут развиваться стихийно, а хуже разрушительной силы стихии бывает только удачный план, реализованный врагами. Сделав селфи с Ксюшей, Дрик перешел в их число. Локализация потенциальной утечки превращалась в личную задачу Алехина.

Глянцевый журнал – источник знания для девушек и не только. Какой пользоваться косметикой, что нынче носят, где правильный шоппинг, кто с кем спит – эти и иные важные вопросы, а главное – ответы, заполняли страницы *Posh Life*. В редакции Анна трудилась последние два года. Работа нравилась – приятно чувствовать себя на острие прогресса в *fashion*. Пробные оттиски свежего номера держала в руках: необходимо вычитать свою колонку «*Аксессуары, без которых нельзя*». В ней почерпнутые в ходе поездки по Латинской Америке новости и фотографии. В отличие от Европы, на тамошних курортах модницы не стеснялись ни мехов, ни перьев. Материал казался, а значит, так оно и есть, выигрышным. Обведя фломастером не совсем удачный снимок кофра от *Louis Vuitton*, сделала пометку «Дать четче инициалы на чемодане». Читательницам ведь важно быть в курсе, кто из звезд Голливуда путешествует с дорожным багажом.

Работа окончена, пора покинуть офис и вернуться в загородный дом. Только, что делать среди дюжины комнат и антикварной мебели, если Матюша в отъезде? По возвращении из Коста-Рики надеялась, жизнь успокоится: муж клятвенно заверил, задание в Сан-Хосе будет последним. И вот, пожалуйста, отправился в Ульяновск, дескать, хочется посмотреть родину Ленина. «Нахал! Даже легенду толковую придумать не удосужился!» Хотя какой толк от вранья? Она всегда улавливала признаки оперативного напряжения, которое испытывал Алехин, знала, когда ему предстояло рискнуть. Нет, конечно, можно встать в позу: «Не пуцу! Ты же обещал!». Только их семейная жизнь не так устроена. Седой лис всё равно сделает по-своему, а от скандала обоим станет тяжело и горько.

С возрастом чувства поутихли, эмоциональные всплески стали редки. Хотя в Латинской Америке обостренное чувство опасности и южный климат настроили на игривый лад. Впервые занимались любовью под звездным небом: шуршание прибоя возле открытой террасы, звон цикад, откровенные ласки. Сама близость не стала чем-то из ряда вон, но приятно подтвердить взаимное желание обладать друг другом, отдаваться друг другу. И вкус тамошних фруктов во рту, липкий сок на пальцах и телах. Потом забрезжил рассвет, утренний бриз принес запах океана. Стыдливость заставила сперва накинуть *парео*, затем вообще перебраться внутрь бунгало. А Матвей так и спал голым до криков первых птиц. «Наглый, – не без удовольствия пожурила молча. – Мой. Любимый».

Чтобы отвлечься от зародившегося возбуждения, стала листать оттиски дальше и наткнулась на «научную» статью о различиях между полами. Автор утверждал, что, став прямоходящим, человечество поставило женщин перед угрозой вымирания: тазовые кости у них схлоп-

нулись, хоть и не до конца, сузив родовой канал. «Им стало трудно охотиться и проходить огромные расстояния в поисках корешков, да еще и обремененность детьми. Никаких семейных отношений тогда не существовало. Чтобы спасти свой род и саму расу, женщина совершила кардинальную физиологическую перестройку. Она обрела качество, которое называется гиперсексуальностью, то есть приобрела, в отличие от животных, способность к спариванию круглый год. Отделив секс от размножения, женщина сделала его самостоятельной ценностью. С помощью секса слабый пол не только начал управлять мужчинами, но и обеспечил выживание человечества в изменившихся условиях».

«Блин! Какой чудак писал? А как же любовь? Что же Матюха мне нужен только, чтобы „корешки“ приносить?» Расширившееся от волнительных воспоминаний устье родowego канала обиженно сжалось от глупой статьи, оставив на трусиках чуток жидкости с тем запахом, что требуется для приманивания самца, возвращающегося с «охоты». «И когда уже он вернется?»

Глава 9

Отъезд

Чем меньше населенный пункт, тем труднее скрывать тайны. В пещере первобытного племени что скроешь? Областной город полон ведомственных пещер, только их обитатели общаются: болтают по телефону, встречаются на совещаниях, питаются и пьют вместе. Еще пересекаются с обитателями вневедомственных углублений и выступов местного общества. От того здесь плоховато сохраняются секреты, даже государственного значения.

– Ты, блин, за кого меня держишь? Мы, блин, лет пять, как водку вместе хлещем, – говоривший сделал жест в сторону запотевшего штофа на ресторанном столе. – Баки мне, блин, не забивай туфтой. Хорош пальцы гнуть. Чего звал-то?

Авторитет местного преступного мира повидал много и многих за четверть века борьбы за влияние, то есть за баксы, рубли и евро. От прошлого темного периода остались жизнь (что удивительно) и привычка вставлять букву «блюдечко» в каждую фразу. Без неё речь теряла связанность и плавность. Посему Куратор, обитатель начальственного блока в здании местного ФСБ, легко идентифицировал «Бобра» даже на слух. Знающие посетители ресторана «Вепрево колено» визуально опознавали вора в законе – безобразные шрамы на лице авторитета составляли два «солнечных круга» вокруг глазных ниш. В его агентурном деле отмечалось, что по малолетке, во время первой ходки, тогда еще «бобренку» соседи по бараку решили «помыть фары» – вырезать глаза. Правда, вмешалась охрана, и субъект остался зрячим. Во благо или во зло? Куратор не был уверен.

– Дыши ровно. Короче, что братва про гостя балакает? – оперативник воспользовался приклатненным лексиконом, поскольку артистично «ботать по фене» не умел.

– Да, блин, ничего. Ты попу не морщи, нам он похрен.

– Тогда зачем третесь вокруг него? К отелю технари твои подтянулись?

– Замдир по АХД, блин, просила «прослушку» организовать. Но у москвича мобила супернавороченая: аппаратура ловит свист и шелест. В общем, хотели пукнуть и обосрались.

– На кой ляд приезжий сдался замдиру? Почему та к тебе обратилась? – фээсбэшник по-прежнему пытался втемную снять инфу с оперативного источника, хотя уже знал о наличии у Алехина «хитрого» телефона и догадывался, почему начальник велел заняться москвичом сразу после визита Безопасника из НИИ.

– Под институтский «общак» роет. АХД за своё лавэ бздит.

– Так ты её крышуешь!

– Твой шеф её крышует, а мы, блин, бизнес вместе крутим.

– Институтская земля?

– Сами втихаря пилите, а мне предъявы кидаешь! Спецуре-то ффраер каким боком? Подослан что ли? Так закройте его.

– Нельзя его трогать. А пригляд нужен. Нам-то не с руки, Понимаешь?

– Ясный, блин, перец. Мне-то что с того?

– Просьбу замдира выполнишь, с нами сведениями поделишься.

– Ты совсем оборзел, блин, Стучать предлагаешь? – делано обиделся «Бобер», давно усвоивший, что подобные встречи предполагают взаимный обмен информацией. – Я подписку «куму» не давал, блин.

– Не кипятись, уважаемый, – Куратор не стал тревожить напоминанием о давней вербовке собеседника в воспитательной колонии для малолетних преступников имени Дзержинского. – Надо выяснить, зачем гость пожаловал. Это же в общих интересах, – сильная рука

точно плеснула по пятьдесят граммов из почти обсохшего штофа. – Узнаем побольше, разберемся. Вместе.

Водка обожгла рот, горячей волной скользнула по пищеводу, упала в желудок. «Бобер» облизнул высушенные спиртом губы и кивнул.

Отель «Барселона» притаился на улице, естественно, Бебеля, что идет через центр параллельно улице, естественно, Энгельса. Пройдя по Карла Маркса, Алехин наконец вырвался из лабиринта немецких социалистов и попал в сквер Карамзина. Матвей решил взять тайм-аут, чтобы абстрагироваться от навязчивых размышлений оперативного характера. А что является лучшим способом как не исторический экскурс? Нет, перечитывать многотомник «Истории государства Российского» не собирался – влекла исключительно послереволюционная эпоха. Площадь, как не сложно догадаться, имени 100-летия Ленина отстроили к 1970 году в бетонно-монументальном стиле т. н. «развитого социализма». Несуразно высокая гостиница и массивный параллелепипед музея, чья утроба скрывала домики семьи Ульяновых. Скрамность, если не убогость быта, понятная с учетом запросов XIX века, тем не менее оставила разведчика в недоумении. Как юноша из бревенчатых стен вырвался на национальный и планетарный простор? Да, после ссылки была эмиграция – он повидал Западную Европу. Но откуда столько гонора и смелости? Диссидентов всегда хватало, еретиков также. Дерзнуть и простые люди могут не раз, но не все способны так поступать в нужное время, а результатов добиваются лишь единицы. Тщательный осмотр обстановки, книг и даже гимназической формы не помог разгадать тайну. Поскрипев половицами, явно замененными уже не раз, ветеран вышел на площадь. Возможно, ответ нашелся бы, сохрани люди историческую застройку и дух Симбирска. Увы, adeпты марксизма-ленинизма тотально снесли материальную историю, наглухо, как им казалось, забетонировав прошлое.

Опер бурчал себе под нос, словно обыватель на диване, недовольный телепередачей. Ситуация вокруг товарища Грига темная, вариантов прояснить её нет. По правилам полагалось бы привлечь местное УФСБ, использовать его технические и людские ресурсы. Только Чудов велел действовать тихо и незаметно. Сейчас оперработник сидел в «шкоде» в проулке возле «Барселоны», наблюдая за двумя наглыми парнями бандитского типа. Те, не вылезая из бэушного джипа «широкий» (вне глубинки известном как «чероки») на гостиничной парковке, пасли яичный «патриот», который нанял Алехин. Еще двое недавно отвалили пешком за ветераном, который захотел посетить музейный комплекс. Это Опер подслушал, когда Матвей расспрашивал портье о маршруте. Очевидно, маршрут и так ему был известен, но чекист решил его озвучить для братанов, что терлись рядом. Как и для молодого коллеги, которого Матвей, разумеется, также срисовал, однако вида не подал.

В створе улицы появился знакомый силуэт, за ним пара сопровождающих. Телефон завибрировал, звонил Алехин.

– Уже получил подполковника или начальство кормит обещаниями? – раздался веселый и низкий баритон.

– Получил. Через звание.

– Скоро меня догонишь. Знаешь, как безошибочно определить полковников центрального аппарата?

– Нет.

– Они ширинку перестают застегивать. То ли от старости, то ли заботами перегружены. Я свою каждые полчаса проверяю. Кстати, ровно через полчаса уезжаю на пару дней в Саров. Твоя задача – отсечь «хвост».

– Сделаю. Что ещё?

– Сними квартиру.

– Уже, арендовал коттедж.

– Возможно, потребуется силовая поддержка. Человека три, не слишком умных, но очень исполнительных. Набери из местных гражданских. Со здешней полицией и контрразведкой никаких контактов. До связи.

Выезд с парковки всегда второстепенен по сравнению с улицей. Но не для джипа, ломавшего за «патриотом» и почти столкнувшегося со «шкодой». Сначала бандитские угрозы («убери на хрен свою тачку»), затем позорное бегство виновника в холл отеля («они меня убивают»), потом оттаскивание легковушки на руках («тяжелая, сука»). Между тем «патриот» выскочил на Московское шоссе и скоро превратился в желтую осу, жужжащую на запад. Где-то на границе области пропал сигнал радиомаячка, установленного техниками по указанию Куратора. Отъезд москвича обрадовал стоящих по обе стороны закона.

Алехину редко бывало стыдно: по-серьезному грешил исключительно по долгу службы, а самоедством не увлекался. И сейчас вертел головой, пользуясь уникальной для шпионской жизни возможностью – посмотреть Родину, её просторы, красоту и грязь по сторонам трассы. И чувствовал себя виноватым, поскольку лучше знал европейские пейзажи и слабо – русские. Неотъемлемой частью последних являлась «инфраструктура» – придорожные точки торговли и общепита. Одну из последних предстояло посетить, ибо гипоталамус настойчиво посылал сигналы голода, проецируя их как исходящие из желудка. Вообще-то рождавшая их область промежуточного мозга состоит из 30 ядер, отвечающих за важные функции организма: голод, жажду, терморегуляцию, сон и даже половое влечение. Матвей знал, что *homo sapiens* получил его вместе с мозгом млекопитающих, как унаследовал от рептилий другую часть мозга, управляющую простейшими базовыми функциями. Но даже немного двинутому на биологии чекисту не было известно, что гипоталамус способен вторгаться и в сферу ответственности верхней коры больших полушарий, например, влиять на эмоциональное состояние.

Так, не сознавая отчего, и произнес раздраженно: «Тормозни у ресторации, голод замучил». Рудольф, захвативший на всякий случай сухпай, и не думал возражать. Войдя в «ресторан» – простенькую и чистую забегаловку – водитель втянул носом воздух, совершенно не представляя, как в нем работает система рецепторов, передача запаховой информации и ее обработка в корковом центре обоняния. Тем не менее, будучи правой, больше доверился правой ноздре. Левша Алехин соответственно сильнее положился на свою левую. Посетители переглянулись и вынесли вердикт: «Сойдет». Еда оказалась незамысловатой, свежей и вкусной.

– Случайного проезжающего можно надуть, – глубокомысленно изрек сытый экс-десантник. – Дальнобойщиков и местных не обманешь, сразу заведение прогорит. Если воняет, то кушать себе дороже. А тут ароматный дух, всё путем. Вон, хозяйская дочка: и на кухне шустрит, и заказы подносит, – тут мужчина непроизвольно замолк, впечатленный сенсуальными движениями девичьего тела.

Человек разумный, особенно мужского пола, чует слабо. Хотя женщина лучше улавливает запах феромонов и тестостерона, особенно когда у неё овуляция. Видимо, так обстояло и с принцессой общепита, подплывшей к столику. Полностью игнорируя ветерана, завязала игривую беседу с Рудольфом. Тот больше полагался на зрение, пожирая глазами ложбину меж яблок-грудей. Прозрачная блузка не могла скрыть даже капельки пота на нежной коже – жарко в заведении. «А, может, просто заманивает нового клиента?» – предположил разведчик и оставил щедрые чаевые, чтобы проверить догадку. Сгребая деньги в карман кружевного фартучка, официантка одарила его милостивым взглядом, но ладонью ласково провела по плечу встававшего десантника – самца статного, молодого и свойского. Москвич в возрасте не интересовал по определению. Хозяйка из-за стойки благосклонно наблюдала за поведением девушки: правильного выбрала, хоть и одет парень простовато – не чета столичному хлыщу, приехавшему

с ним. «Хотя, – прикинула женщина, автоматически забирая чаевые у дочки, – я бы с ним не прочь покувыркаться – старый конь борозды не испортит».

Так мозг-матрешка, в котором умение ящерики скрывается в навыках мышки, что прячется в разуме *homo*, родил логический вывод. А производство таковых человечество поставило на поток, что захлестнул и изменил мир, а вскоре заполнит и перевернет Вселенную. Но пока муж беззлобно крыл про себя держательницу ресторации: «Шлюхой была, шлюхой осталась! Неужели и младшая потаскухой вырастет?» Аналогичную надежду холил и Рудольф, мечтая вновь поесть в данной точке пространства и заодно воспользоваться телесным богатством и душевной щедростью официантки. И лишь погружающийся в послеобеденную дремоту отставной полковник использовал оба полушария для мыслей отвлеченных: что ждет в Сарове и как действовать? До цели путешествия еще ехать и ехать – широка Россия, а дороги не очень. Но вот малюсенький динозавр внутри задремал, и голова с тяжелым мозгом-матрешкой сразу утратила вертикальное положение. Седая с пегим грива волос повисла занавесом, спереди и по бокам закрывая поле зрения. Поездка продолжилась, экскурсия закончилась. Стыд за слабое знакомство с Родиной исчез, для чего потребовались миска куриного супчика и тарелка плова.

Недовольством ли, сигаретным дымом ли, а атмосфера в кабинете насыщена чем-то неприятным. АХД раздраженно косилась на бронзового мужика, державшего под уздцы игривого коня. Скульптура занимала чуть не четверть письменного стола и раньше сильно нравилась. Теперь же дорогое подношение вызывало желание пнуть ногой. На самом деле пнуть хотелось «Бобра», когда-то и подарившего творение скульптора Лансере.

– И что? Уехал? Куда? Насовсем или на время?

– Расслабься, дорогая. Свалил москвич и ладно. Можно крутить наши дела без помех, – общаясь с высокопоставленной женщиной, бандос ухитрялся иногда обходиться без буквы «блюдечко». – В июне литовец нарисуеться, нужно готовить предложение. Сколько и чего ему впарим?

– Давай паузу сделаем. Разберемся с гребаным проверяющим.

– Ой, какие мы пугливые! – авторитету надоели пустые терки, нетипичные для мира металлолома, в котором он считался королем и где вопросы решались по-простому. – Ну, вернется москвич, сунешь ему взятку, отвянет. Смотри, скоро баржа пойдет по Волге, у меня груза тысячу тонн не хватает. Найди металла хорошего, чтобы хрома, никеля или медяшки процент повыше. Цены в Европе нынче в порядке, затащим груз в Швецию или Германию, будем в шоколаде.

– Нет у меня ничего подходящего, – продолжала беспричинно кукситься Замдир. – Хочешь, коня своего забирай.

– На кого батон крошишь? Забыла, как я спас, когда братва твоему мужу лоб зеленкой намазала?

– Вспомнил! Муж уж семь лет, как бросил меня. Сколько ты с тех пор отсосал с НИИ? А теперь от тебя толку нет: попросила пропасти «ревизора», так и такой пустяк твоим баранам не по рогам!

– Верно! – неожиданно пошел на попятный «Бобер». – Вставил уже моим «орлам». Вишь, у москвича мобила хитрая, с шифрацией. Чего чекеры твои балакают про него?

– Говорят, пеленговать могут и определять номера, но не абонентов, которым звонит. А расшифровку надо в Москве заказывать, что стрёмновато для местных фээсбэшников. Но раз уехал, – Замдир пригладила прическу, успокаиваясь, – буду готовить лом – старый парогенератор сейчас демонтируют. Только литовца предупреди: если «ревизор» вернется, то стопорну отгрузку.

Хозяйка кабинета, не отворачиваясь от стола, открыла бар за спиной и выудила *Hennessy XO*. Тем же способом достала два хрустальных бокала – слишком вычурных для доброго

коньяка. Налила и понюхала оба, один протянула гостю. Любитель водяры скривился, однако принял как знак примирения.

– Ты про дочку мою не забыл? А то она хоть и лечилась, но сам понимаешь... – поделилась сокровенной болью Замдир.

– Помню, помню. Каждому в городе наказал, что яйца на кардан наматаю, если ей наркоту продаст.

– Спасибо. На, лимончиком закуси, – вспомнила о гостеприимстве АХД.

– На хрен кислятину. Пусть лимон французы жрут, – ошибочно блеснул отсутствующей эрудицией авторитет, не ведавший, что закуска цитрусовыми – русское изобретение. – Ну, давай выпьем на ход ноги.

Собеседница грустно взглянула сначала вслед вышедшему партнеру (со швалью приходится общаться), потом на бутылку (практически пустая). Вылила остатки себе в рюмку и объемным глотком отправила в горло. Нюхать и греть напиток не стала: не перед кем выпендриваться.

*«И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла»*

(О. Э. Мандельштам)

Глава 10

Совещание

Джакузи на открытом воздухе нравится дизайнерам и части их клиентов, рассматривающих картинку. Мол, закат над океаном, звездное небо и фары самолетов, снижающихся к аэропорту. В реальности есть нюансы: то забредет кошка и утонет, то инфузории-туфельки заведутся. В общем надо закрывать, часто чистить и прочее. И секс в воде хлопотный – естественные секреты влагалища вымываются, нужна дополнительная смазка. Одним словом, Нэнси – не фанат совокупления в круглой ванне с пузырями. Сейчас сидела именно там, ожидая Мартина, любившего совмещать половые развлечения с водными процедурами. Ему пора бы уже выйти из темноты в необычном обличье. Пара обожала ролевые игры, и сегодня мужчина, вероятно, явится пожарным. К сожалению, женщина краем глаза узрела красный пластовый шлем, который муж тайком вытаскивал из багажника машины. А пока явление не состоялось, она баловала себя вибратором, готовясь к решительной схватке воды и огня.

Мартин вполне устраивал и как надежный супруг, и как сексуальный партнер. Она отдавала ему молодость и красоту, он ей дарил финансовую стабильность и неистощимую выдумку. «Затейник тот еще! Хотя, кажется, перепихивается с начинающей юристкой из прокуратуры округа. Сучка у него не первая, но любит только меня! Стоит и мне немного развлечься на стороне». Мысли унеслись к личному инструктору по фитнесу, когда раздался боевой клич «Калифорния в огне!» и в ванну запрыгнул ловкий и мускулистый огнеборец.

В темноте недостаток роста не заметен, а редящие волосы скрыты каской. «Мне срочно нужен непрямой массаж сердца!» – прозвучал ответный призыв, и женские руки простерлись к спасителю. Маленький вибратор продолжил попискивать на дне.

Обычно на завтрак старался кушать поменьше, только сегодня – день необычный. Президент нагрузил социальными указами выше головы, а где деньги взять? Бюджет и так трещит, банки просят влить ликвидность, естественные монополии требуют дотаций, военным нужны современные самолеты и рост окладов! А потому невысокий чуть полноватый человек ел и ел, будто ему предстояло пахать поле или таскать кирпичи. Но вот пришла добрая мысль («я же сегодня улетаю!»), и рука отложила очередной круассан, обильно намазанный маслом и джемом. Жена вздохнула с облегчением: следить за диетой мужа – неприятная обязанность. Вытерев рот салфеткой с гербом, на секунду вновь расстроился: вместо орла вышивка напоминала двуглавую курицу. Вздохнул: «Эх, когда же у нас появится настоящий дизайн». Пошел к выходу, вернулся, приложился к щеке супруги, изобразившей печаль расставания. На самом деле ей не понравился исходивший изо рта запах омлета с ветчиной и грибами. Промолчала, так как давно оставила тщетные попытки научить благоверного чистить зубы после, а не до еды.

У подъезда ждал милый электромобильчик (итальянского производства). Премьер сел за руль и порулил через резиденцию Горки-9. Красота рублевского леса не отвлекала взгляд от главного – *Augusta Westland AW139*. Вертолет – обтекаемый и стремительный, словно чудесная рыбка, обитающая в рифах – любил. Красивая игрушка (итальянского производства) радовала глаз серебристой раскраской и совершенной формой, которых не могли испортить ни полоса цветов триколора, ни надпись «Россия». «Скорость триста, а не двести, как у президентского МИ-8МТВ, – в который раз напомнил сам себе, – и дальность выше – почти тысяча. 90 минут лета до Сарова, а на машине тащился бы часов восемь, шоссе пришлось бы перекрывать». Так утешал себя, оправдывая покупку игрушки ценой в несколько миллионов евро и забывая остальных министров и чиновников, чьи кортежи наглухо запечатали дороги, с раннего утра устремившись на выездное совещание.

«Двигать науку не просто, двигаться на авто не проще, – резонерствовал Чудов, направляясь поездом в Саров. – Какого хрена пригласили меня-то? Сидеть и глубокомысленно кивать головой, внимая умным словам выступающих?» – беззлобно ворчал, отчетливо понимая, что высокая должность во Фронте предполагает участие в многочисленных «ответственных мероприятиях». Можно было бы выехать заранее и переночевать в «Закрытом территориальном образовании» – так официально именовалась режимная территория, занятая Федеральным ядерным центром и кварталами домов для его сотрудников. Только допоздна засиделись с Директором, обсуждая операцию против ЦРУ. Бесценными данными, привезенными Алехиным, следовало распорядиться виртуозно. Как и просил «Хоттабыч», избрали линию на компрометацию шефа Управления планирования разведопераций ЦРУ. Только компромат на него относился к прошлому, когда инициативник сам еще работал в Лэнгли. Чтобы полностью вывести Макалистера из-под удара требовался «свежачок», а где его взять? Хорошо бы пошептаться с Матвеем, но тот обретался в Ульяновске.

«Звонок другу» не понадобился – товарищ Григ сам вышел на связь.

– Мне нужен пропуск в Саров. Сегодня.

– Шутишь! – заржал Игорь. – Там нынче совещание премьер проводит, режим ужесточили, хотя и так от мира отгорожен город. Кстати, знаешь, куда я сейчас еду?

– К бабе? «Фронтовую подружку» завел?

– Сижу в поезде, что везет участников совещания в Саров. А ты где?

– В Цыгановке, в двух километрах от внешнего периметра охраны Сарова. Давай, действуй!

– Ладно, у нас в делегации заболел эксперт: попробую всунуть тебя вместо него. Паспорт с собой?

– Как же иначе? В России без паспорта скоро в туалет пускать перестанут. Сейчас скину фото первой страницы.

– Не, дружище, каждой страницы. Это же ЗАТО. Погуляй пока.

Алехин огляделся: огромный рынок, возле которого припарковался Рудольф, манил богатым выбором еды и ширпотребом. «В прежние времена саровцы, будучи на скудно советском, хотя и особо „богатом“ снабжении, считали себя привилегированными. Теперь живут в царстве потребления и жалуются на потерю статуса. Интересно, сказалось ли это на качестве боеголовок?» Вышел из пикапа и побрел в замусоренный лес. «Эх, люд рассейский, что же творишь с природой? Превращаешь родной край в окружающую среду! Особенно в субботу и воскресенье». После «очеловеченной» полосы в 50 м началась чаща, заваленная упавшими стволами и заросшая кустами до плотности джунглей. Резкая трель-перестук разнеслась сверху и слева: дятел-самец упражнялся в художественной долбежке по резонирующей ветке, вызывал самку. Затем раздался крик сумасшедшего: так орут только крупные дятлы – черный или зеленый. Шпион, крадучись, пошел на сближение. Под ногами негромко хрустел валежник. Голова еще помнила спецназовскую подготовку в отряде «Вымпел», тело – уже нет. Скоро показался и автор психоделической «песни» – *желна*, здоровенный – с полметра, черный с красной шапочкой. Самец игнорировал чудака, забредшего в его владения: «Пусть гуляет – мою подружку не соблазнит – клюв у него мягкий, и летать умеет, поди, только во сне».

«Весна, все твари спариваются. Лишь мы с Чудовым плюс еще сотня ученых и бюрократов будем тратить часы на бессмысленное сидение в зале и выслушивание пустых речей о больших проблемах и малых достижениях. Я, как соседи, буду делать мудрое лицо, кивать головой, от скуки погружаясь в дрему». Чтобы поднять настроение, стал фантазировать, как встанет в зале и громко крикнет: «Жулин и Щеглов изобрели машину времени». Улыбнулся, представив, как его скрутит охрана, наденет смирительную рубашку и доставит в психушку.

Дурдом обязательно должен иметься при таком-то количестве умников, готовых свихнуться, ментально насиловать Вселенную – ежедневно и в извращенных формах. «А позже меня, как еретика, сожгут на костре возмущенного мнения научной общественности».

Вернулся к отработке реального плана действий. Капля упала на лицо, поднял голову – следующая висела на тонкой веточке. Лизнул: березовый сок, не сладкий, лишь с намеком на присутствие сахара. Вытащил из кармана выкидной нож – не забыть бы оставить в машине, сделал v-надрез на стволе. Водянистая жидкость побежала струйкой. Неловко пристроился и начал лизать, как бывало в детстве. Губы, щеки стали липкими, только костюм старался не запачкать – на совещание неряхой нельзя: там же куча начальников! Вибрация в пиджаке возвратила в цивилизованный мир: готов пропуск в пределы ЗАТО. Надо глиной замазать древесную рану, умыться и двигать к КПП со строгими автоматчиками ВВ МВД. Только желание отсутствовало, присутствовала лишь необходимость. Боже, как надоело действовать под давлением обстоятельств!

«Уважаемые друзья! Сегодня страна отмечает День науки. Мне особенно приятно встретить праздник с вами – людьми, которых с полным правом можно назвать интеллектуальной элитой государства. Примите мои поздравления. Желаю вам удачи, здоровья и новых достижений, – вещал Председатель правительства. – Именно ваши фундаментальные исследования, яркие открытия и смелые эксперименты расширяют представления о законах природы, служат научно-техническому прогрессу. По большому счету ваш труд определяет успех и перспективы развития экономики и социальной сферы страны, служит повышению уровня жизни миллионов граждан».

Чудов протянул через плечо записку. «Эксперт», сидевший позади, подобострастно вытянулся принять. Поговорить с глазу на глаз не успели – Сопредседатель Фронта непрерывно следовал слева и на полшага сзади за Премьером – лидером главной фронтовой партии. «Причина твоего приезда?» – вопрошала бумажка. «Есть наметки, как актуализировать компромат от „Хоттабыча“», – гласил ответ. «Фронтовика» прошиб пот: совпадение темы, места и времени казалось невероятным. Ключевое слово – казалось. Бросил взгляд назад: черные икринки зрачков Алехина плавали в серой радужке, скрывая зародыш идеи, что разовьется в жесткие меры против одного из руководителей ЦРУ. Против «коллеги», что спланировал покушение на российского Лидера. Тогда план удалось сорвать, а теперь предстоял окончательный расчет. Совещание вдруг стало очень содержательным, люди вокруг – интересными.

Уже веселее обернулся на друга, взгляд того был сосредоточен на выступавшем Академике. Шпион, конечно, слышал, что говорил ученый, но глазами считывал каждый его жест, каждое движение тела, каждую черточку лица. «Так вот ради кого сюда пробивался!» – осекило Игоря. Угадать повод он не пытался, хотя улавливал связь с Ульяновском. Под столом набрал сообщение Оперу: «Бери под наблюдение связи Грига в НИИ. Срочно организуй группу усиления из гражданских. Местных коллег не привлекай».

Опер работал с гантелями, кругом звенели блины и станки – посетители тягали металл. Упражнения с тяжестями не любил – снижают подвижность и реакцию. В «качалке» люди заняты только собой – пыхтят и потеют, зато, если присматриваться, каждый на виду. Закончив, разведчик переместился в борцовский зал. Парень лет 25, в заношенном *кимono*, но со свежим лицом и чертиками во взгляде, произвел хорошее впечатление. Понравилась и его стойка. Явный завсегдатай на татами: ступни на линии атаки под углом 90 градусов друг к другу, вес равномерно распределен на обе ноги, спина выпрямлена, плечи отведены назад, руки перед собой по центру, ладони открыты. Красиво и эффективно пошел в наступление: каждое движение вытекало из предыдущего. Словно поток воды, мягкой, податливой, но способной разрушить твердые камни. Соперник побежден! Москвич махнул кандидату рукой, приглашая после поединка отдохнуть на скамейке рядом.

– Ты тут завсегдатай? – начал свою атаку, мягкую, податливую, разглаживая новенькую куртку и штаны – *кейкоги* купил в клубной лавке полчаса назад. – Я-то первый раз в «Будо Додзё».

– Третий год занимаюсь, – ульяновец провел по коротким темным волосам двумя жилистыми руками, забавно наморщил нос. – Раньше-то тренировались?

– Карате и самбо немного, – слукавил Опер. – Меня зовут Федор.

– Александр, но обычно кличут Механиком. Вы, вижу, не местный? Говор не волжский, мелодии нет.

– Ты наблюдателен, – прозвучала дежурная похвала, промолчало оперативное одобрение. – На днях из Москвы приехал по делам. Не откажешься меня чуток натаскать?

– Легко. Пошли на ковер.

Общение успешно продолжилось весь вечер, сначала в спортзале, затем в недорогом кафе патристического клуба, где у ульяновца нашлись друзья-одногодки. Поболтали о футболе, тачках, девушках и политике. Счет оплатил приезжий. Москва-река и Волга поладили. Пока верховодил волжанин, на правах туземца. Продлится ненадолго. Потенциальный агент числился механиком на местном авиазаводе, срочную служил в погранвойсках. Холост, идеологически близок к коммунистам, волнуется за судьбу страны, ненавидит коррупционеров и зажавшихся чинуш. Пригоден для оперативного использования.

Приема как такого не планировалось, просто кофе-брейк в перерыве. Закуска скромная, чиновников в дорогуших костюмах не привлекала. Одетые попроще исследователи тайн мироздания, напротив, пользовались халявой, расхватывая недietetические пирожки и простецкие бутеры. Премьер демонстрировал демократичность, перемещаясь по фойе конференц-зала. Матвей уловил момент, когда Академик отделился от сонма, окружавшего главу правительства, и поспешил к туалету. Разведчик давно уяснил, что ни один мочевого пузыря не в состоянии выдержать длинного совещания. Особенно, опустившийся вниз пожилого и отвисшего живота. Взяв Игоря за рукав – «на минуточку оторву», оперработник поспешил за объектом. Через минуты дверь с буквой «М» выпустила повеселевшего столпа отечественной физики, прямо в объятия Чудова, знакомого с ним по президиуму Фронта.

– Ой, вы уже, а я еще нет, – тормознул Академика. – Познакомьтесь с моим боевым товарищем Матвеем Александровичем. У него короткий вопросец, а меня природа зовет к писсуару.

– Добрый день, скажите, Жулин – серьезный ученый или так себе?

– Почему вы спрашиваете?

– Уверяет, что смог опровергнуть Принцип самосогласованности Новикова.

– Ух ты! Лично вам сказал?

– Лично, и продемонстрировал экспериментально. Я – не спец, но эффектно: частицы туда, частицы сюда, бах! Меня Администрация направила в Ульяновск. Думаю, как в Москве доложить.

– Если Жулин уверен...

– И его математик Валера уверен.

– Щеглов?

– Он.

– Тогда дело серьезно, даже слишком. Если у них получится, то физика и мир уже не будут прежними. Возможно, стоит подключить наш центр к исследованиям.

– Пока рановато. Решение будет принимать Президент. Возможно, позже я вам позвоню, – увидев выходящего Чудова, разведчик исполнил маневр уклонения от лишних вопросов Академика – нырнул в дверь «М».

– Ваш друг, он – кто? Как его фамилия?

– У него фамилий много, уж и сам забыл, какая настоящая, – ответил Игорь. – Сказанное должно остаться между вами, даже я не в курсе, не говоря уже о Премьере.

Мэтр, за десятилетия привыкший к секретности, кивнул. Остаток совещания был рассеян. Лишь во время демонстрации бионосителя оживился. Тогда и уловил, что Матвей Александрович по-прежнему в зале и слушает внимательно. Само собой из-за спины Чудова. «Вот ведь парочка, не приведи Господи!»

Глава 11

Сингулярность

Джинсы – еще неплохие, заношенность и потертость можно объяснить следованием прошлогодним *fashion trends*. Футболка – дешевая, зато новая и с забавной диаграммой *How to start fiendship*. То, что в английском слове «дружба» не хватает тамошней буквы «г» можно списать на шутку. Хуже с обвисшим свитером – очевидный минус! Но «репу» помыл, ряшку побрил, ногти постриг. Нюхнул подмышку – дезодорант еще не выдохся, хотя потом чуток тянет. Сойдет! Главное – букет в руке и сюрприз в кармане. Точно по схеме, рекомендованной интернет-сайтами. Виолетта должна оценить старания. Валерий волновался как на первом свидании. Собственно, и шел на свое первое свидание: 27 лет и девственник! С девушками не везло катастрофически, со школы. Не то что переспать, даже потрогать не давали. Знакомства сразу умирали, отношения вообще не завязывались. И никто, даже сам, не понимал почему. Правда, Николай – друг с детства – бухтел что-то про фетишизм.

Самому Дрику фетишизм не мешал: тот предпочитал беременных, но снимал и обычных баб. Вспомнилось, как классе в шестом-седьмом, по инициативе Коляна, начали вечерами подглядывать через окно в душевой женского общежития. Их гоняли самые бдительные из купальщиц. Потом стекла покрасили белилами, пришлось перейти на окна квартир в микрорайоне. Там поток голых женских тел отсутствовал, зато можно выбирать нравящиеся объекты и следить за ними неделями. Валере сразу приглянулось, как противоположный пол раздевается/одевается, особенно, если медленно и грациозно. За этим занятием и застукал участковый, ловивший бомжей, что воровали продукты, вывешиваемые зимой в форточки. Скандальчик вышел: в школе склоняли, отчим выпорол. С вечерним вуаеризмом пришлось завязать, что не сильно расстроило, ибо нахлынул вал порнографии сначала печатной, потом виртуальной.

Офигенно привлекали чулки и колготки, не в сеточку, как у путан, а обычные черные, тоненькие. Они так соблазнительно растягивались на округлых икрах, так таинственно, до черноты, сгущались на щиколотках. У колготок была еще одна манящая особенность: делаясь откровенно прозрачными на пухлых бедрах, промежность они умудрялись скрывать темной пеленой таинственности. Двойственным оставалось восприятие швов на чулках, иногда те выглядели пикантно, порой противно. Постепенно сложилось убеждение, что впечатление зависит от ног, скорее даже от их хозяйки. Но ни фото, ни видео не создавали реальности – годились только для мастурбации. Нужна конкретная натура, которую можно рассматривать вживую, касаться. С ней можно экспериментировать, чтобы добиться максимального результата – вождения. Именно она позволит, в конце концов, соединить черно-серую палитру воображаемого секса с телесно-розовой гаммой секса физического.

С тем и шел на свидание с лаборанткой и, по совместительству, дочкой АХД. Вчера обнадежила – сама подошла и спросила: «Ребята называют тебя гением. Это – правда? Приезжай ко мне вечером». Сегодня исключительный день. Во временном потоке образовалась сингулярность: нужно некоторое усилие и переформатированные обстоятельства позволят изменить его жизнь. Само бытие станет иным, а ведь оно определяет сознание. Математик уже чувствовал себя почти другим человеком. Не гением, а совсем нормальным, как миллионы вокруг, что спят друг с другом, что любят друг друга, а не изображения. А пока шел чуть клюя носом – большая болотная птица, не умеющая летать.

Механик даже в детстве не играл в шпионов, больше тянуло к железкам прочим штуковинам. Однако никогда не поздно: слежка за «Цаплей» увлекла. То есть, топтаться возле общаги тягостно. Когда «объект» (термины-то какие у москвича) вышел, ситуация изменилась – надо

оставаться невидимым, подмечать каждое действие, а главное – не потерять из вида. Последнее просто – тип нес букет и двигался медленно, будто про себя бубнил или повторял слова, что скажет девушке. Ясно, идет на свидание, хотя далеко не ловелас: неуклюжий и застенчивый или, как описал его Федор, «чудаковатый». Во, похоже, добрался до цели. Новый дом в старой части города, нажимает кнопки в домофоне: ага, ему отвечают, значит, знает только номер квартиры, код для двери подъезда не получил. «Войти за ним?» – Приказано не вступать в контакт. Отбежал подальше, тщетно пытаясь через окна подъезда увидеть, куда и к кому прибыл «объект». По инструкции предстояло торчать на холоде и ждать час, потом сваливать. Убедившись, что «ботаник», не собирается выходить, поспешил домой: «Отлично! Задание выполнено и успею к футболу по ТВ».

Обо всем, кроме объекта, забывает «хвост», если он – любитель. Обученный филер действует осторожнее. Опытный профессионал, а Опера учили серьезно – наставники и шпионская жизнь – способен следить за тем, кто сам следит за другим, и даже за тем, кто, возможно, следит за тобой. Немного проконтролировав Механика, идущего за Щегловым, Федор остался доволен сноровкой новобранца, а позже и тем, что тот сразу по телефону доложил о результатах. «Одной заботой меньше – „наружка“ теперь имеется, пусть и простенькая». Еще порадовало, что за собой наблюдения не обнаружил и – особенно важно! – не чувствовал. Чувства, конечно, субъективны по сути своей: любил жену, думал, и она любит. Ан, нет – взяла и бросила. Понятно, с оперработой профукать брак легче легкого, а все-таки обидно. Вон, Алехин долго-долго жил с супругой, пока не застрелился, как широко известно. И лишь человек десять знают, что ветеран имитировал самоубийство, сделал пластику, сменил ФИО и – блин! – опять на Анне женился. Хитрец: спрятался на самом видном месте – у жены под юбкой. Любовь!

Секс – нужная вещь – присутствовал в нынешней жизни Опера. Навыки и умения имелись в избытке. Внешностью родители не обидели – не броской: рост средний, фигура пропорциональная, прическа в модном голливудском тренде. Вроде, заурядный типаж, пока для конспирации глаза делает пуговицами от сдержанного костюма европейского покроя. А включит «прожекторы» и у женщин мурашки по телу. Только на фига тратить силы на игры, пока свою «анну» не встретишь? С тем и побрел на базу: съемный коттедж – кошмар в стиле вертикальной «хрущевки».

Стекло покрыто конденсатом, душ и ванна уже давно парили без толка. Смыть грязь унижения не получалось: тело чистое, даже размокшее, а душа... Провела рукой, отражение прояснилось, отвращение к самой себе усилилось. Мимолетно глянула вновь: лицо сердечком, скулы высокие, изящный носик и ушки, губы бантиком. Со стороны – миловидная, если не красивая девушка чуть за двадцать. Вот только глаза-стекляшки цвета янтаря, воспаленные, без намека на иронию, без смешинки, даже крохотных. Будто всё-то они видели, всё-то понимают. И главным образом осознают собственную никчемность, негодность в чужом ей мире. В глубине глазниц затаилась боль, жалобный скулеж слышен оттуда. «Ненавижу!» – ударила рукой, потом бросила флакон с духами. Звон, картинка распалась и осыпалась. Потом ревели, плакала, стонала на диване, пока не сообразила – разум сумел собрать свои осколки, хотя бы некоторые – набрать номер матери. «Умираю! Привези таблетки!»

А начинался вечер с больших ожиданий. Математик явился вовремя, с цветами и запахом шампуня в волосах. Увидел столик, сервированный для тет-а-тет, даже со свечами. Что-то бухтел, а она ожидала, когда же оценит её достоинства и перейдет к сути. Вообще с парнями ей не везло со школы. Предки, тогда еще жили вместе, отправили в Коннектикут: «В Новой Англии образование лучшее в мире, станешь настоящей леди, будешь жить и работать в Нью-Йорке». Туфта! В классе полно иностранцев, американские соученики третировали пришельцев. В изоляции и жила с киргизкой-соседкой по комнате. Та вечерами от тоски заунывно пела на родном языке. Спросила её: «О чем?» – «О степи и конях. Что видела дома, о том и пою».

Виолетта петь не умела, пыталась найти отдушину в спортивных танцах. Потом появился дружок – подросток на год старше. Милый, ухаживал, пока она ему не дала. На следующий день рассказал всему интернату, в подробностях, как наклонил русскую шлюху над партой, задрал клетчатую юбочку, стянул трусики и вдул. В соцсети «бойфренд» собрал сотню лайков. С тех пор девушка невзлюбила школьную форму и вообще шотландку, не говоря уже об англосаксах. Русская «девчонка с моторчиком» превратилась в ученицу с «синдромом дефицита внимания», которую пичкали *риталином*. Хотя лекарство причислено ко 2-й группе наркотических препаратов (вместе с кокаином и амфетамином), американские школьные правила разрешали его широко применять для «профилактики» СДВ.

Отец уехал с кем-то куда-то, денег у матери не стало, заграничное образование превратилось в провал. Девушка вернулась в родные пенаты, но её не встретили эти древнеримские боги, покровители домашнего очага. В школе «американку» третировали, старых друзей не осталось, новых не завела. Последствия заокеанского «лечения» пришлось выправлять антидепрессантами. Тем не менее остались постоянная подавленность, заниженная самооценка, иные психические проблемы. Нет, мать билась как рыба об лед, устроилась в НИИ, сделала карьеру. До отпрыска руки дошли недавно – свозила к мозгоправу в Москву. Удачно, Виолетта начала выравниваться, даже к Математику руки протянула, увидела в нем родственную, ранимую душу. А тот!.. Ни обнять, ни приласкать, не говоря уже сексе. Извращенец заставил натянуть черные чулки – специально с собой принес. И так просил повернуться, и эдак, ползал, рассматривал с разных сторон. На жаждущую женщину, её тело и красоту – ноль внимания. Сам в итоге возбудился, без прелюдий влез сверху и сразу кончил, моментально превратившись в желе. Довольный убежал. «Урод!»

Валера летел по ночному городу на крыльях э... любви? Или счастья? Короче, летел. «Состоялось! Осуществил мечту!» Пять минут – полет нормальный: «Какие у нее коленки! Согнет ногу – чулок из почти черного станет серым, разогнет – опять черный!» Десять минут: «Сексуальности добавлял даже *борт* (Математик знал название как верхнего края трикотажного изделия, так и остальных частей): двойная вязка выше колена, чтобы лучше держался чулок, делала кожу под ним менее четкой. Только большая родинка виднелась словно сквозь туман». Пятнадцать минут: полет прерван появлением трех парней. Бить не стали, так, вкатили пендалю, не найдя денег в вывернутых карманах. Настроение не испортилось – у него есть женщина!

Исключительность часто путают с эксцентричностью. «Он – такой странный! Она – такая неординарная!» К психотерапевтам в России ходить не принято, да и где сыскать российских спецов данной профессии? Посему расстройства психики – слабые и не очень – окружающие обычно относят на особенности характера больного. А больным – долго ли, коротко ли, постоянно ли, временно ли – становится каждый десятый житель. Помочь страждущим получается плохо, если только они – не преступники, что так часто косят под психов. Им, в отличие от рядовых граждан, государство охотно предоставляет возможности обследоваться. Самые страшные экземпляры попадают в Институт судебной психиатрии им. Сербского. Именно тут пожилой профессор проводил первичное собеседование с мужчиной, зарезавшим жену и двух малолетних детей. В камере поздним вечером душегуб устроил то ли приступ, то ли спектакль. Пришлось приехать из дома и разбираться, ведь обострение или его симуляция – лучшее время для наблюдения и анализа. Демонстрация субъекту чернильных пятен Роршаха убедила в способности пациента видеть (или рассказывать, что видит) страшное и ужасное в каждой картинке. Настало время перейти к ассоциативному ряду.

– Буду называть слова, а вы, голубчик, говорите первое, что придет на ум. Понятно?

– Конечно, – изверг, которому грозил пожизненный срок за убийство сразу по трем пунктам ст. 105 УК РФ, демонстрировал ясность ума, который, дескать, только временами бывал замутнен.

- Лиса.
- Хитрая.
- Медведь.
- Косолапый.
- Лев.
- Ароньч.

Проскочивший намек на бытовой антисемитизм арестанта, уловившего еврейское происхождение эксперта, был зафиксирован и отсеян, как несущественный для цели исследования – убитая жена-то была русской. Профессор решил перейти к вопросам о семейных отношениях, начав с самых дальних родственников. Где на двоюродной сестре задремал, после нескольких секунд вновь встрепенулся.

– Ну, а с женой как живете? Дети есть? – пробормотал невпопад и осекся, виновато подняв взор на субъекта.

На врача смотрел зверь, таившийся в убийце, очевидно, давно, а не проснувшийся, когда тот, якобы, оказался в состоянии аффекта. Хитрый, расчетливый, смертельно опасный. Диагноз готов, хотя процедура требует провести другие тесты и собеседования. Кто-то скажет: «Глупая случайность». И будет прав, только психиатр не согласится: он тут такого понасмотрелся и наслушался, что перестал верить в случайности. Жужжание мобильного отвлекло.

– Слушаю.

– Извините, профессор, это – мать Виолетты, вашей пациентки из Ульяновска. Помните, мы в начале года были у вас по поводу её зависимости от антидепрессантов.

– Смутно. Напомните детали, милочка.

– Вы еще нашли у нее *эйсоптрофобию*... женский голос с легким армянским акцентом дрожал от волнения.

– А! Боязнь зеркал и изображений собственного лица! Редчайший случай, – психиатр нажал скрытую кнопку звонка, вызывая конвой для преступника. – Что случилось?

– У дочки депрессия, чуть самоубийство не случилось. А вы велели перекрыть ей доступ к лекарствам. Она так просит!

– Дайте что-нибудь из группы СИОЗСиН и немедленно привозите в Москву. Будем купировать, – профессор пожалел девушку, но не мать, которой предстояло вновь выложить круглую сумму за приватную консультацию и авиабилеты. Вот если бы дочь расчленила мамашу или наоборот, тогда другое дело, тогда бесплатно. Хотя в Ульяновске явно страдала исключительная особа. В литературе описан единственный случай редкой фобии: Императрица Анна Иоанновна избегала глядеть в зеркало, услышав предсказание, что умрет от собственного отражения. На Западе, вроде бы, появился второй экземпляр: говорят, кинозвезда Памела Андерсон сперва увеличила грудь до шестого размера, а потом стала тяготиться новым ликом как в зеркале, так и в фильмах со своим участием. В интернете пишут, поправилась, удалив импланты.

Добыть в ночном Ульяновске *селективные ингибиторы обратного захвата серотонина и норадреналина* нереально. Мать Лидии справилась – АХД и опять же армянка.

Дрик-старший высосал пятую бутылку пива, дурное настроение отказывалось улучшаться. Сходил облегчиться, подивился тишине в огромном, хотя и несурзном доме. Внешне тот напоминал многобашенный замок людоеда, внутренне – жилище охотника, заметно сократившего богатство земной фауны. Из чучел ему особенно симпатичен огромный секач, кото-

рого завалил еще до того, как начал отстреливать обитателей Африки. Жутковатая кабанья морда глядела со стены не столь укоризненно, как мирные олени, лани, антилопы. Отдельно от них устроилась носорожья башка, хотя её мелкие свинячьи глазки заставляли сомневаться в величии экспоната. Пустоту, образовавшуюся после отъезда сына, не могли заполнить запыленные творения таксидермистов. С женой Петр давно расстался, а последнюю временную пассию выгнал на днях. Раньше вице-губернаторские обязанности отнимали массу времени, опять же вокруг кишели люди. Теперь «друзья» исчезли, просители и прожекторы стремились к свежему обитателю кабинета в областном правительстве. Поток бабла, соответственно, обмелел, хотя прежние инвестиции в недвижимость давали солидный доход. Деньги приносили, а удовлетворение нет – не требовалось руководить, курировать, администрировать. Всегда жаловался на высокую загруженность, а нынче заскучал. Открыл шестую бутылку *Staropramen* – с молодых ногтей обожал чешское пиво. Позже перепробовал сотни иных марок, путешествуя по Европе, и лишь укрепился в изначальном мнении. Как и в том, что жить надо в Ульяновске – пусть в данный момент грустно и беспечно, а всё лучше, чем за границей.

Последняя мысль вновь вернула к волнению за сына, который нынче в Калифорнии. «И чего, дурак, не остался во флоридской квартире? Не ценит отцовский подарок. Оболтус!» Слова имеют разное содержание – в зависимости от обстоятельств. «Оболтус» в данном случае обозначало странноватые сексуальные наклонности отпрыска. Порой так не хочется называть черным то, что белым не является. «Мать, стерва, виновата! Вертихвостка за пацаном не следила, на сторону гуляла». Поток сознания унес в сторону: приходил чудаковатый тип из местного отделения Общенародного фронта, настоятельно рекомендовал Дрику выступить с инициативой возобновления финансирования лаборатории Жулина. Мол, «ваш сын внес личный вклад, его коллеги добились заметных успехов». Пришлось согласиться: после отставки наелся «заслуженного отдыха». Членство в комиссии по грантам – единственный шанс подключиться к местному руководству ОФ. «А там, глядишь...» Рука потянулась за седьмой бутылкой, энергично и с удовольствием. Настроение поднималось, как пена в хрустальной кружке. Взгляд носорога стал веселее, дружелюбнее, что ли. А еще можно открыть оружейный ящик, поласкать коллекцию ружей, разложив на сукне. Про сейф рядом (с денежным НЗ, важными документами и Колиной тетрадкой) даже не вспомнил. Зато на столе увидел телефонный аппарат:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.